

Елизавета Дворецкая

Спящее золото.

Книга первая. Сокровище Севера

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Спящее золото. Книга
1: Сокровища Севера**

«Автор»

2003

Дворецкая Е. А.

Спящее золото. Книга 1: Сокровища Севера / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2003 — (Корабль во фьорде)

ISBN 5-9717-0389-7

С давних времен лежит в кургане золото древнего оборотня, залог силы Квиттингского Севера. Поспорив с Вигмаром Лисицей, кто из них доблестнее, братья Стролинги вскрыли курган и достали золото. Но при этом наружу был выпущен злобный оборотень. Да и сокровища не принесли грабителям счастья – в ссоре Вигмар убил старшего из братьев Стролингов. Он вынужден бежать, бросив дом, родных и свою возлюбленную Рагну-Гейду, сестру убитого...

ISBN 5-9717-0389-7

© Дворецкая Е. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

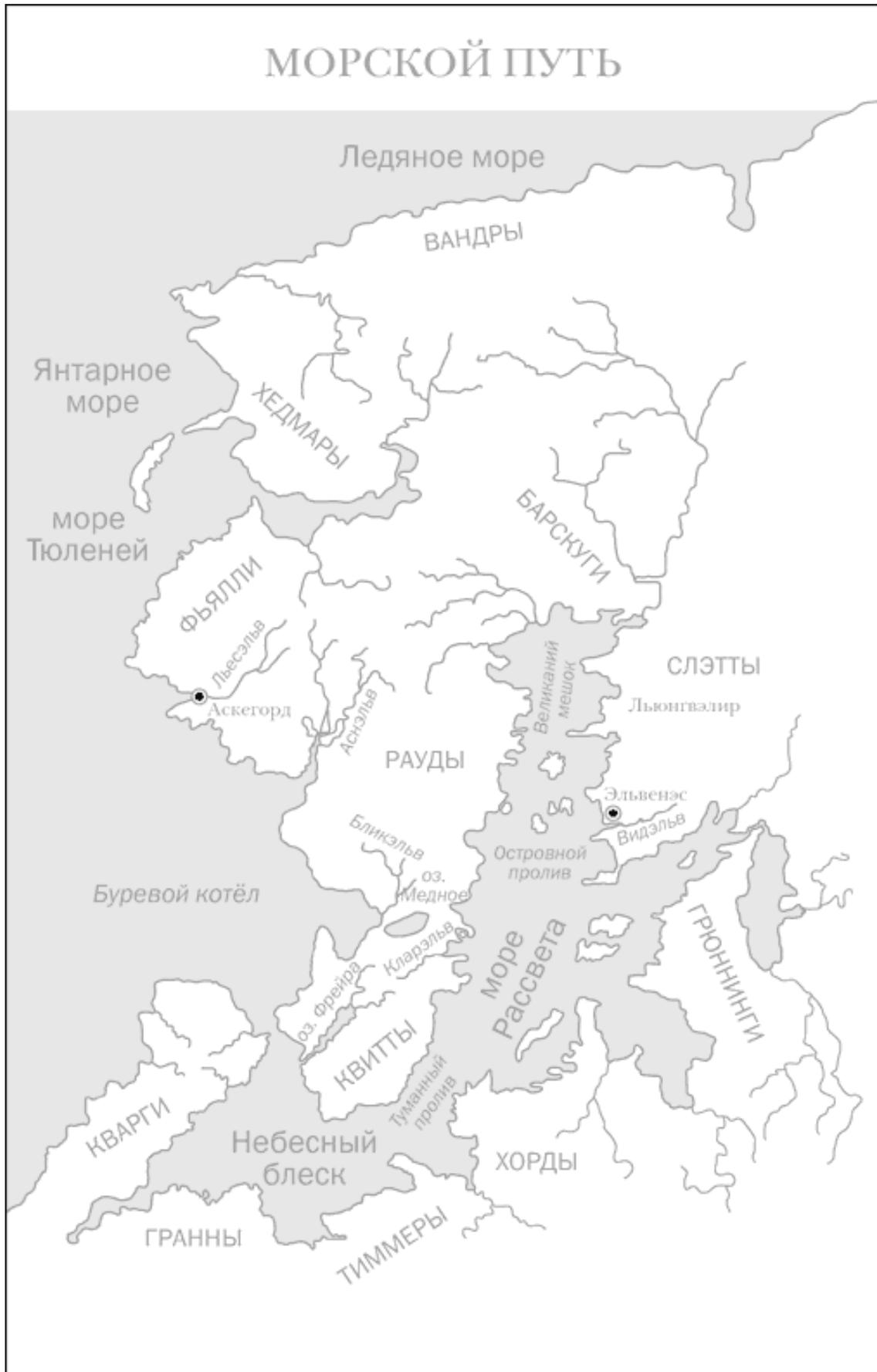
Елизавета Дворецкая

Сокровища Севера

*Это руны бука, это руны берега
И разные руны браги,
И славные руны силы.
Кто помнит, не портя,
Кто помнит, не путая,
Тому они будут во благо.*

«Старшая Эдда»¹

Глава 1

На пятый вечер после отплытия «Олень» пристал к узкому еловому мысу. Западное побережье Квиттинга, вдоль которого он шел на юг, населено довольно густо, и немного позади остались крыши какой-то усадьбы. Скейв кормчий даже уверял, что там гостиный двор, но туда было решено не заходить.

– Из-за Вигмара с нас опять потребуют целых пол-эйрира*! – сказал Гейр, вспоминая предыдущий ночлег. – Опять объявят, что держат гостиный двор не для оборотней, и будут коситься, как будто у нас из штанов торчат троллиные хвосты!

Гейр усмехнулся, вообразив у себя троллиный хвост, но решения не изменил. Восемнадцатилетний сын Кольбьерна из рода Стролингов, хозяина корабля, считался на «Олене» старшим. Пол-эйрира значили немного, но Гейру хотелось показать, как хорошо он умеет беречь родовое добро.

– Так, так, или станут гонять Вигмара между двух костров! – поддакнул его сводный брат, Книв.²

Вигмар сын Хроара, сидевший за передним веслом, хмыкнул, не оборачиваясь. Гейр настороженно посмотрел на него: не обиделся ли? При каждом гребке по спине Вигмара перекатывались тринадцать ярко-рыжих кос, длиной до самого пояса, связанных в общий хвост. Вместе с теми двумя, что заплетаются на висках и заправляются за уши, как положено у знатных квиттов (хотя до Стролингов роду Хроара-С-Границы далеко!), получалось пятнадцать.

– Отец тебя похвалит за такое благоразумие! – сказал Вигмар, мельком глянув назад. – Очень умно беречь серебро по дороге на торг – ведь на обратном пути у тебя его не будет вовсе!

Глаза у Вигмара были желтые, черты лица – резкие и острые. В усмешке блеснули белые зубы – увидев эту усмешку, хозяин предыдущего гостиного двора и потребовал пол-эйрира «за то, чтобы пустить в дом оборотня».

Братья переглянулись. Гейр нахмурился. В речах Вигмара не так легко удавалось разобраться и понять, где он просто шутит, а где насмехается. Книв, более уступчивый, двинул бровями, намекая, что с этим бешеным лучше не связываться. Но Гейр думал иначе: род Стролингов слишком глубоко уходил корнями во мглу древности, чтобы его потомок согласился терпеть насмешки.

– Что ты такое хочешь сказать, Вигмар Лисица? – сурово начал Гейр. – Не думаешь ли ты, что после торга у меня не хватит серебра заплатить за ночлег?

– Вон там хорошее место! – крикнул с кормы Скейв, и Гейр оглянулся посмотреть, куда тот показывает. – Можно пристать!

В глубине души он даже обрадовался, что их прервали: спорить с Вигмаром было что играть с огнем: увлекательно, но опасно.

На песчаной полосе перед ельником чернело несколько старых кострищ, указывая на то, что сюда не доходит приливная волна. Возле самой воды торчала надежная свая – привязать корабль, если не хочешь его вытаскивать. В ельник вводила неширокая, но утоптанная тропа – множество ног ходило туда за дровами и ради иных, не менее необходимых дел. Как видно, не только дружина «Оленя» предпочитала летом сберегать серебро и ночевать под открытым небом. Как говорится, в усадьбе Химмельбло – Небесный Свод.

«Оленя» вытащили на берег, развели костер – и сразу стало видно, что уже сумерки.

– Где тут может быть вода? – Книв извлек из поклажи железный котел и выжидательно позвенел дужкой.

– Вон там, за кустами! – Вигмар, едва глянув, махнул рукой. Он обладал истинно звериным чутьем на воду, и в этом отношении оказывался очень ценным спутником в дальних поездках. – Пойдем, покажу.

² Древний способ проверки подозрительных лиц: нечисть или еще какой-то нежелательный гость не может пройти между двумя освященными кострами.

– Я сам схожу! – Гейр отобрал у брата котел. – А ты лучше займись рыбой.

Книв послушался: он родился от рабыни и хорошо помнил, что его место в самом конце стола. Вообще-то он был трусоват, но уступчив и покладист. Гейр обращался со сводным братом небрежно-покровительственно и сам не помнил, что тот старше его на целых два года.

Зато Вигмар, которому сравнялось двадцать пять лет, казался Гейру чуть ли не стариком. У него были глаза очень зрелого человека – жесткие и умные. Казалось, что он знает и понимает все на свете. Рядом с Вигмаром было любопытно, но неуютно – никогда не знаешь, чего от него ждать. Гейру приходилось не раз напоминать самому себе, насколько его род знатнее, а родичи богаче и многочисленнее, чтобы избавиться от проклятого чувства неуверенности.

Ольховые заросли, за которыми Вигмар подозревал ручей, темнели в конце длинной песчаной полосы. Он шагал первым, держа на плече копьё с привешенным под наконечником лисьим хвостом, и посвистывал на ходу. Гейр позади тащил котел и хмурился, проклиная собственную умную голову, которая не позволяла послать за водой кого-то другого. Мать предостерегала, что через воду недобрые люди могут взглянуть и погубить всю дружину. А Вигмар... Никто не знает, злой он или добрый, зато точно известно, что второго такого странного человека нет во всей округе. А все странное может оказаться опасным – это любой ребенок знает.

Позади ольховника тянулась каменистая ложбина, на дне которой между серыми обточенными валунами резво бежал ручей. Продравшись сквозь ломкие заросли, Гейр поставил котел под прозрачную струю и стал ждать, пока наполнится. Вигмар тем временем шагнул к берегу: он был непоседлив и любил глядеть по сторонам. «Насколько хватает длины шеи!» – говорила об этой его привычке Рагна-Гейда. Гейр улыбнулся, вспомнив сестру: она такая умная, приветливая, красивая – даже Вигмар признает, что в округе нет женщины лучше. При мысли о ней Гейр повеселел: с родней ему повезло гораздо больше, так что пусть Лисица не слишком-то задается!

Котел, который Гейр придерживал за стенки, ощутимо тяжелел, быстро наполняясь водой. Вот и еще один ночлег, еще один переход ближе к Ветровому мысу, где за квинтинское железо платят такие хорошие деньги. А там...

Вдруг Вигмар протяжно просвистел и опустил с плеча копьё. Гейр вскинул голову и поспешно выволок тяжелый мокрый котел на берег. Уж не плывет ли какой-нибудь «морской конунг»* с вечным красным щитом на мачте?³ В чужих местах можно ждать любой пакости.

Однако, догнав спутника, Гейр не увидел ничего особенного. Перед ними расстилался берег моря: длинная песчаная полоса, пестрая мокрая галька, плети полусухих водорослей, несколько больших серых валунов... и утопленник, лежащий головой на песке, а ногами в воде. Морские волны бились вокруг них, как возле коряги. С десятков чаек, потревоженных появлением людей, скакали по песку чуть поодаль, оглашая берег резкими недовольными криками.

С первого взгляда Гейр даже не сообразил, что за странный предмет темнеет в самой полосе прибоя – таким странно неуместным и нелепым тот казался. Разглядев же очертания человеческого тела, Гейр сильно вздрогнул и схватился за амулет на груди. Несомненно, это был мертвец, неестественно огромный, как морской великан. Живые, даже без памяти, так не лежат. А мертвое тело кажется частью земли, точно срастается с ней. Богиня Йорд* уже готова взять обратно то, что дала человеческому роду.

Замерев на месте, Гейр рассматривал жуткую находку. Тело, должно быть, пробыло в воде не меньше двух дней и распухло так, что башмаки и одежда казались ему малы. В длинные волосы набился песок, смешанный с грязной пеной.

Вигмар неспешно подошел к утопленнику и пошевелил его голову носком башмака. Гейра передернуло: а вдруг тот сейчас вскочит на четвереньки и с диким воем кинется на человека... Но мертвец и не думал вскакивать: мужчина в боевом кожаном доспехе, с пустыми

³ Красный щит – знак войны или вообще враждебных намерений.

ножами от меча на поясе смиренно лежал на песке и казался тяжелее, чем гранитный валун. Весь берег, только что мирный и даже уютный, внезапно показался опасным и враждебным. Духи смерти шептались в листве, невидимо скользили над полосой прибоя.

– Да мертвый он, не видишь? – хмурясь, крикнул Гейр. – Не трогай!

– Смотри, это фьялль! – Вигмар острием копья указал на изваянные в песке ножны. Их богатый серебряный наконечник был украшен изображением молота, который так почитают во Фьялленланде.

– Как его к нам занесло? – удивился Гейр и вдруг заметил поодаль еще два тела. Тоже мужчин и тоже в боевых доспехах.

Его спутник огляделся. Длинную прибрежную полосу усеивали деревянные обломки, валялось несколько длинных весел. Дальше всего лежал штевень с резной головой дракона, увенчанной загнутыми, как у козла, длинными рогами.

– Бури вроде не было... – растерянно проговорил Гейр. – Наверное, придется их хоронить.

Вигмар покосился на него, насмешливо дернул уголком рта.

– Тебе, благородный хельд*, как видно, нечего делать! – ответил Лисица. – Бури не было, это ты верно заметил. Эти трое – хирдманы*, а вон там, если я умею отличить селедку от тюленя, лежит штевень боевого корабля. Фьялльский «Дракон», да такой, какого даже у славных Стролингов нет. Скамей на двадцать шесть. Они шли кого-то грабить, но сами оказались разбиты. И я не собираюсь хоронить разбойников. Пусть их клюют чайки. А что чайкам не пригодится, от того я сам не откажусь.

Положив копье на землю, Вигмар присел на корточки возле трупа и без особого трепета разрезал его пояс. Сам ремень, невзев сколько пробывший в морской воде и ободранный о камни, уже никуда не годился, но серебряные накладные бляшки, хоть и слегка помятые, были очень недурной добычей. Гейр мельком глянул на мертвеца и отвернулся, кривясь от отвращения: с таким лицом место только в царстве Хель*. Может, Вигмар и прав, хлопотать ради фьялльских разбойников не стоит, но и обшаривать трупы совершенно не хотелось. Попади оно пропадом, это серебро, пусть забирают с собой! Пусть Лисица возится, если ему охота, а Стролинги, слава асам*, не так бедны, чтобы обирать утопленников.

Гейр побрел вдоль берега, глядя под ноги и стараясь не смотреть в сторону мертвецов. Возле обломанного руля он остановился, потом присел. На мокром дереве виднелись черные, выжженные железом рунные знаки. Гейр поглядел с одной стороны, потом изогнул шею так, чтобы увидеть их с другого бока, потом поднялся и обошел кругом, стараясь разобраться. Как всякого знатного человека, молодого Стролинга обучали названиям и свойствам рун, но в самом общем виде. Руны Прибоя, как ему было известно, – Рейд, Эйваз, Лагу, то есть Дорога, Защита, Движущаяся Вода. Но почему «галочки» руны Лагу здесь вытянуты длинными цепочками, штук по пять в каждой? И при чем тут Турс, которая вроде бы к Рунам Прибоя не причисляется? Все вместе походило на заклинание, составленное каким-то фьялльским мудрецом. Рагне-Гейде это наверняка будет любопытно – она-то в рунной ворожбе разбирается гораздо лучше.

Вынув нож, Гейр подобрал поблизости щепку и принялся старательно переносить на нее заклинание.

– Да ты никак колдуешь! – раздался над его головой насмешливый голос Вигмара.

Увлечшись, Гейр даже не услышал скрипа шагов по песку, но теперь стремительно вскочил. Вигмар стоял рядом, покачивая в руке два мокрых, покрытых белым налетом соли кожаных пояса. На одном висели ножны меча и точило, на другом сохранился даже сам меч – видно, хозяин не успел вынуть его из ножен, – а еще хороший длинный нож и огниво. На обоих ремнях тускло поблескивали серебряные бляшки.

– Зато ты, я гляжу, разбогател! – с негодованием воскликнул обиженный Гейр.

Ростом он был выше Вигмара и теперь смотрел на него сверху вниз: очень удобно, особенно когда противник старше тебя на семь лет и гораздо сильнее.

– Да уж, я нашел добычу получше обломанного руля! – насмешливо ответил Вигмар. – Смотри, Гейр сын Кольбьерна! Как бы ты не заделался колдуном и не разучился сражаться. Для ворожбы в вашем роду достаточно женщин!

– Это я для Рагны-Гейды! – поостыв, Гейр смягчился. У него был довольно легкий нрав, и когда рядом не оказывалось старших братьев, молодой человек скорее прощал насмешки. Именно потому он и мог выдержать общество Вигмара Лисицы много дней подряд и не поссориться всерьез. – Она всегда спрашивает после поездок, не видел ли я каких-нибудь полезных заклинаний. Ты же знаешь, я сам никогда...

– Хотелось бы знать, а вот такие руны не покажутся ей полезными? – Вигмар сунул руку за пазуху и извлек оттуда что-то небольшое, желтовато блестящее. – Посмотри – это золото!

В голосе Вигмара звучала веселая гордость. Такую ракушку подберешь на берегу не каждый день! Гейр склонился, разглядывая находку. Небольшой золотой полукруг походил на половинку разрубленной поясной бляшки. Влажная находка все еще пахла морем – нетрудно догадаться, что не так давно она принадлежала кому-то из этих, трущихся теперь лбами о песок. С одной стороны виднелся замысловатый витой узор, а с другой – по внешнему краю полумесяца тянулась недлинная цепочка из пяти рун. Отсыревший кожаный ремешок, протертый через пробитую дырочку, был завязан крепким, почти окаменевшим узелком.

– Похоже на амулет, – предположил Гейр.

– Я тоже так думаю! – весело отозвался довольный Вигмар и повесил золотой полумесяц на шею, просунув его между верхней кожаной и нижней полотняной рубахой. Даже через толстую ткань грудь обожгло влажным холодом, но ничего: после мертвого на живом быстро согреется.

– Ты станешь это носить? – Гейр проследил за его руками с недоверчивым удивлением. – Чужой амулет! Я бы сказал, что так поступать весьма опасно!

– А я бы так не сказал! – небрежно отозвался Вигмар. – Я снял его с шеи того великана, который теперь сватается к Хель. Он же его носил. А кто бы стал носить плохое заклинание?

– Не очень-то хорошо оно ему послужило, – буркнул Гейр и вздрогнул, вспомнив раздутого мертвеца на песке.

Невозможно поверить, что лишь пару дней назад *это* было живым, теплым человеком, который ходил, говорил, громко хохотал, хлопал друзей по плечам... Даже может быть, жена ждет где-нибудь в длинных узких фьордах Фьялленланда. А он теперь сгодится в мужья только великанше Хель...

– Вот это, я понимаю, добыча! – с насмешливой гордостью добавил Вигмар и хлопнул себя по груди, где висел и быстро согревался амулет-полумесяц. – Не то что обломок руля. Хочешь, пройдем подальше, пока не стемнело? Корабль большой – наверняка тут еще лежат не один и не два таких... богача.

Но Гейр снова содрогнулся и решительно замотал головой. Приближается ночь, а на берегу валяется невесть сколько чужих мертвецов. От них и так можно ждать любых гадостей, а если они еще и ограблены... Чувство опасности стучалось вокруг, делая берег особенно тревожным и неудобным.

– Не так уж хорошо это место для ночлега! – воскликнул Гейр. – Может, стоит пройти подальше, пока не совсем темно?

Вигмар хмыкнул. Гейр устыдился своего страха и поспешно добавил:

– Я бы на твоём месте не слишком гордился такой добычей! Если бы ты взял ее в бою, а то...

Но Вигмар в ответ только просвистел, а потом добавил:

В битве волн сражались рати,
Ран* гостей собрала много;
Серебром усеян берег,
Словно камнем – слово верно!

Дарят щедро девы моря
Рыбы ран и лед ладони;
Скальд не струсит стылых трупов —
От богатства стыдно бегать!⁴

Гейр только досадливо вздохнул, вертя в руках щепку с рунами для сестры. Когда у твоего спутника не слишком приятный нрав, это еще можно перенести. Но если он еще и складывает стихи прямо на ходу... Конечно, каждый мужчина, если он вырос не в свинарнике, с детства обучен бегать на лыжах, плавать и, среди прочего, слагать стихи. Умел кое-как и Гейр, но не настолько хорошо, чтобы тягаться с Вигмаром. В роду Стролингов имелся всего один человек, способный утереть нос Лисице, но, к сожалению, это был не он.

– Хендинги* не на месте! – пробурчал Гейр. – Вот погоди, вернемся домой – Рагна-Гейда тебе ответит!

Вигмар промолчал, в упор глядя на собеседника, и в желтых глазах его виделось предупреждение: не стоит об этом. Вся округа давно судачила, что-де Вигмар Лисица влюблен в Рагну-Гейду. Гейр знал об этих слухах, но предпочитал молчать: во-первых, мужчине не годится сплетничать, во-вторых, нельзя трепать имя сестры... В-третьих... Да, было еще и «в-третьих», о чем Гейр даже думать не решался. Ведь кто разберет, как сама она относится к Лисице? Никто другой ей не нравится, это точно. Впрочем, Вигмар сын Хроара совсем не пара единственной дочери Стролингов, пусть даже и не мечтает и не раскатывает свои наглые глаза.

Гейр даже глянул на спутника с некоторым торжеством: сам-то он может подойти к своей сестре, когда захочется, и беседовать с ней, сколько угодно. А Вигмар, будь он хоть втрое сильнее, смелее и сочиняй стихи, как сам Браги*, даже видеть ее может редко и по большей части издалека...

– Эй, вы где там! – закричал сзади Скейв кормчий. Обернувшись, Гейр увидел, как тот машет руками, а за спиной его поднимается столб дыма от костра. – Не нашли воду? А то мы уже думали, что вы оба утонули в ручье!

Вигмар ухмыльнулся, вскинул копьё на плечо и первым пошел к месту стоянки. Лисий хвост под наконечником издевательски болтался из стороны в сторону, будто дразнил. Гейр хмуρο шагал позади, стараясь не наступать на следы Лисицы.

После ужина Вигмар и Гейр побились об заклад. За едой разговор шел только об утопленниках, которых успели найти по обе стороны от стоянки, и Книв додумался брякнуть:

– Хочешь, Вигмар, убедиться, что мы не больше тебя испугались мертвецов?

Вигмар хмыкнул и небрежно пожал плечами. Книва он вообще не принимал всерьез: сын рабыни есть сын рабыни. Очень волнуется, как бы кто не усомнился в его храбрости, потому что сам первым готов в ней усомниться.

– Давай поспорим! – горячился Книв, смешно дергая белесыми бровями. – Ты такой храбрый, что не побоялся снять с мертвецов пояса и амулеты, а вот мы не побоимся постоять на страже, когда они придут за своим добром!

⁴ Девы моря – морские великанши, рыбы ран – мечи, лед ладони – серебро.

– Да ты, парень, рехнулся! Завяжи узлом свой язык! – одновременно закричали Скейв кормчий и несколько хирдманов постарше. – Вот придумал, жабий выкидыш! На ночь глядя кликать нечисть!

Гейр, которому мысль сводного брата тоже не показалась удачной, в первый миг с досады чуть не дал сыну рабыни подзатыльник. Но удержался, наткнувшись на насмешливый взгляд Вигмара. Тот словно говорил: храбрее Стролингов нет никого на целом свете – вон как доблестно они колотят друг друга! Наверное, других достойных соперников не могут найти! Пришлось поддержать дурака: драться между собой можно дома, а перед посторонними Стролинги должны быть едины.

Вигмар насмешливо наблюдал, как Гейр быстро накручивает на палец длинную прядь волос у виска, дергает, будто хочет оторвать – мучается сомнениями. Замысел неумен – но отказаться стыдно. В восемнадцать лет – и вовсе невозможно. Вигмар еще помнил, как ему самому было восемнадцать лет.

– Правда, Гейр, мы не побоимся! – Книв, сам восхищенный своей невиданной отвагой, оглянулся на брата.

– Хотел бы я поглядеть на того, кто в этом усомнится! – со скрытым вызовом проговорил тот и в упор посмотрел на Вигмара.

Отвечая на незаданный вопрос, Лисица двинул плечом, но в глазах его по-прежнему светилась насмешка. Она раздражала, как блоха, и Гейр готов был в одиночку свернуть курган Гаммаль-Хьерта, лишь бы выловить и раздавить эту блоху раз и навсегда. А Вигмар сунул руку за пазуху и извлек тот рунный полумесяц на ремешке.

– Ставлю этот амулет, что вы двое, Гейр и Книв, сыновья Кольбьерна, не сумеете отсидеть полуночную стражу и следующую за ней. – Он повертел блестящую бляшку, чтобы все у костра могли как следует разглядеть. – Можете сидеть вдвоем, можете по очереди. Если справитесь, я отдам это вашей сестре, чтобы она колдовала над фьяльскими рунами.

Гейр нахмурился и уже собрался броситься на защиту чести Рагны-Гейды, но Лисица перебил его вопросом:

– А что ты ставишь, Гейр сын Кольбьерна?

Хотя замысел принадлежал Книву, Вигмар не опускался до заклада с сыном рабыни и обращался только к Гейру. В таких случаях тому казалось, что Книв – его собственная рука или нога, которая обычно находится рядом и слушается, но порой производит дурацкие мысли и делает глупости. А он должен отвечать!

– Мне не придется ничего ставить, поскольку мы отсидим обе эти стражи! – резко ответил Гейр. – Но чтобы ты не беспокоился, я ставлю цену этого амулета в серебре. Оценит Логмунд Лягушка, когда вернемся домой.

В глазах его сверкнула недобрая зелень, и Вигмару стало весело. Вот так-то лучше, а то глотают все, что ни услышит! А мысль о закладе совсем не плоха – пусть их Стролинги посидят две стражи, предоставив остальным спокойно поспать.

– А прибавить цену заклинания? – подзадорил Вигмар. Он забавлялся, наблюдая, как в братьях Стролингах, таких гордых и богатых, борются досада и боязнь показаться смешными.

– А за заклинание мы не должны платить, потому что его никто здесь не знает! – торопливо выкрикнул Книв, пока Гейр не успел согласиться и на это бессовестное условие. – Может, от него больше вреда, чем пользы!

Вигмар снова усмехнулся, но настаивать не стал. Завернувшись в плащ, он улегся на охапку веток возле костра, опустил ресницы, тайком поглядывая, как оба стража ерзают на обрубках бревен, оставленных прежними постояльцами елового мыска. Из всех братьев Стролингов он предпочитал общество именно Гейра, потому что тот был больше других похож на Рагну-Гейду и оттого при виде его лица у Вигмара теплело на сердце. Подумаешь, залог! Даже из проигрыша можно извлечь пользу, если заранее обо всем подумать. Ведь сказал же –

я отдам. А вовсе не *вы* отдадите. Ради того, чтобы лишний раз подойти к Рагне-Гейде, можно пожертвовать и большим, чем золотистая ракушка с царапинами от когтей фьялленландских троллей. Пещерные тролли Фьялленланда, говорят, крупнее и уродливее всех остальных...

Ладонь Вигмара лежала на древке копья, лисий хвост засунут под изголовье – ни друг, ни враг не сумеют прикоснуться к оружию, не потревожив спящего. Впрочем, у него был очень чуткий сон.

Конечно, Книв уговорил брата сидеть обе стражи вдвоем.

– Где нож, там и копье, верно? – заискивающе заглядывая в лицо Гейру, шептал он, повторяя одну из любимых поговорок отца, которой тот часто призывал сыновей держаться вместе.

– Нам пригодились бы еще и щит, и меч!⁵ – со вздохом добавил Гейр, вспомнив братьев.

Самый старший, Эггбранд, служил в дружине хевдинга* Квиттингского Севера, а второй, Скъельд, остался дома. И оба они не простят младшим, если те не сумеют достойно ответить этому рыжему оборотню!

Вокруг спящих людей чернела угольная черта, которую провел для надежности Скейв кормчий – опытный мореход. Мало ли какая нечисть рыщет по ночам в чужих местах? Никому, кроме себя, не доверяя, он и то и дело приоткрывал глаза и смотрел, не заснул ли дозорный.

– Ничего не будет! – бормотал Книв, сидя у огня и плотнее кутаясь в плащ. – Мертвецы боятся огня. Они никогда не перейдут за черту. Так что придется тебе, Лисица, простаться с золотом!

Гейр не поддерживал разговор, прислушиваясь к шуму моря. Пожалуй, стоило все же похоронить этих фьяллей, чтобы не валялись на песке, пугая добрых людей, и не поганили своими костями мирный квиттингский берег. А то еще примутся бродить по округе! Как советовал Один,

хорони мертвецов
там, где найдешь их,
от хвори умерших,
в волнах утонувших
и павших в боях...⁶

Да, но сколько возни! Их же там десятки... И лопаты никакой, кажется, с собой нет. Чем будешь копать? Пусть уж жители здешней округи стараются, в конце концов, это им будут досажать неуспокоенные чужие мертвецы. Да, но местные жители спят сейчас в своих домах, за прочными стенами и крепкими дверями, а не лежат под открытым небом. Если бы не Вигмар, ночевали бы в гостином дворе. Опять он, выходит, во всем виноват!

Гейр гнал прочь мысли о мертвецах, но чернота наполнилась угрозой, по спине полз холодок, и он подвинулся поближе к костру. От фьяллей нечего ждать добра даже от живых, а уж что говорить о мертвых!.. Однако Рагна-Гейда наверняка обрадуется, если ей привезут золотой амулет с заклинанием. Если не она сама, то уж мать в нем точно разберется...

Вдруг Вигмар приподнялся и сел. От неожиданности даже Гейр вздрогнул, а Книв охнул и чуть не свалился в костер. Но Лисица даже не усмехнулся: в нем не было и следа сонливости, глаза настороженно обшаривали темный берег. Гейр вздрогнул: не оборотень ли в самом деле?

– Ты чего? – шепнул он одними губами.

⁵ Имена братьев означают: Книв – «нож», Гейр – «копье», Скъельд – «щит», Эггбранд – «клинок» + «пламя».

⁶ «Старшая Эдда», пер. А. Корсуна.

Но Вигмар уже вскочил, подхватив свое хвостатое копьё, и знаком велел Гейру молчать. Тот прислушался. Кажется, Лисица не шутит и в самом деле учуял опасность. Но кроме тихого шума леса и широкого глуховатого гудения волн, ничего не было слышно...

«Буди всех!» – свирепым движением бровей велел Вигмар и обернулся к морю. Гейр тут же положил руку на плечо ближайшего хирдмана: без единого звука тот приподнялся, нашарив рукоять меча еще прежде, чем открыл глаза.

Гейр оглянулся на спину Вигмара, шагнувшего с поляны в сторону близкой опушки, а тот вдруг взвыл диким и страшным голосом и метнул копьё в глубину ельника. Из темноты раздался короткий вскрик. Все хирдманы повскакали на ноги, и тут же к костру вылетело несколько стрел. С криками попадали раненые, остальные вскинули щиты, сталь мечей блеснула в отблесках костра. А из тени деревьев сыпали люди – десятки мужчин в боевых доспехах, с оружием в руках. И с фьялльскими гривнами* на шее, легко отличимыми от других по драконьим головкам на концах.

– Мертвецы! – истошно завопил Книв, и голос его сорвался на визг.

– Тор* и Мйольнир*! – рявкнул где-то совсем рядом чужой резкий голос. Боевой клич фьяллей, притом только живых!

Вигмар уже рубился с кем-то под деревьями, высокий фьялль с безумно вытарашенными глазами накинулся на Гейра с занесенной секирой. Гейр отбил удар щитом, попытался достать противника мечом, но тот рубил и рубил обеими руками, как берсерк*, так что Гейру пришлось попятиться. Вокруг раздавался звон оружия, вся площадка у костра превратилась в поле битвы. Фьяллей казалось так много, что Гейра переполняла храбрость отчаяния: живым все равно не уйти, так дорого же вам обойдется моя смерть! Бросив мгновенный взгляд поверх щита вперед, он увидел, как темная толпа бежит к «Оленю», дружно толкает его к воде. Снека* на двенадцать скамей, тяжело груженная железом, поехала по мокрому песку как по маслу, и Гейра пронзило возмущение, смешанное с настоящим ужасом. Они забирают корабль!

– «Олень»! – не помня себя, закричал он во весь голос. – К кораблю! Все к кораблю! Они забирают...

Безумный фьялль нанес новый удар, щит треснул и рванулся из рук, словно больше не хотел служить хозяину. Не растерявшись, Гейр мгновенно швырнул обломки под ноги, а фьялль не сразу освободил конец лезвия секиры. Рукояти он не выпустил, но и половинки мгновения хватило, чтобы замахнуться. Гейр ударил фьялля по плечу, тот хрипло, зверино рыкнул и упал на колени, зажимая рану ладонью. Но гордиться успехом было некогда, и молодой квитт устремился через площадку к берегу.

– Тюр* и Глейпнир*! – кричал из темноты Вигмар, уже каким-то образом оказавшийся возле самого корабля.

Но боевой клич квиттов не встретил поддержки, утонул в беспорядочных воплях и звоне оружия. Ночной берег полнился фьяллями; они то сливались с темнотой, и тогда толпа казалась бесконечной, как сама ночь, то опять бежали к кострам. Гейру некогда было считать, но мерещилось, что врагов тут несколько сотен. Все это выглядело диким наваждением: откуда на западном побережье Квиттинга целое войско фьяллей?

Быстро оглядываясь в поисках нового противника, Гейр заметил Вигмара. Копьё с лисьим хвостом снова оказалось у того в руках, тринадцать рыжих кос плясали на спине. Увидев, с кем бьется Лисица, Гейр содрогнулся: если тут и есть живые мертвецы, то этот как раз из них! Лицом фьялль был уродливее тролля, вся кожа в буграх и рубцах, так что не сразу поймешь, молод он или стар, на лбу красные пятна ожога, брови обгорели – в пору шить башмаки Хель!⁷ Однако «мертвец» очень ловко дрался, норовя достать мечом наконечник копья Вигмара и уверенно закрываясь щитом от острого жала.

⁷ Башмаки Хель – погребальная обувь.

Низкорослый, плотный, но верткий фьяльль с короткой темной бородой наскочил на Гейра с мечом, и он забыл о Вигмаре.

Битва быстро вспыхнула и прогорела, как охапка соломы. Три десятка квиттов были раздавлены фьяллями, намного превосходившими их числом. «Олень» уже качался на волнах, фьялли деловито разбирали весла, звали своих. Квитты по большей части лежали на земле, Скейв кормчий стоял у ствола толстой ели, а фьяльль держал у его горла лезвие меча. Низкорослый противник выбил у Гейра меч, но убивать не стал, а только отшвырнул оружие ногой подальше и побежал прочь, к кораблю.

Шум схватки раздавался только в одном месте: уродливый фьяльль и Вигмар бились на мысочке, где под ногами плескалось море. На плече у фьялля темнело кровавое пятно, но он прижал Вигмара к самому краю, где уже некуда деваться.

– Хродмар, да бросай его, на кой тролль он тебе сдался! – кричал к кормы «Оленя» какой-то толстый фьяльль. Бедная снека была густо набита людьми и так глубоко осела в воду, как будто провела в плавании не пять дней, а все полгода. – Бросай его к великанам, и пойдем! Конунг ждет!

Конунг! Изумленный Гейр не поверил своим ушам. Какой еще конунг?

Но уродливый фьяльль не слушал: должно быть, Вигмар успел сильно ему досадить. Длинное древко копья не подпускало противника с мечом близко, и Вигмар оставался невредим. Поняв, что так ничего не добьется, фьяльль вдруг бросил в него щит и в тот же миг сам устремился вперед. На какое-то мгновение Лисица отвлекся, и фьяльль, подскочив поближе, полоснул лезвием по горлу.

Вигмар попытался увернуться и спиной вперед полетел в воду. Раздался всплеск, и все стихло.

Фьяльль шагнул к обрыву, глянул на воду, но свет от костра сюда почти не доставал, и разглядеть можно было только пляску жадных волн. На лезвии меча осталась кровь. Плюнув вниз, победитель торопливо сбежал с мыска на плоский берег, сошел в воду и побрел к кораблю, держа клинок над головой. Товарищи втащили его на «Олень», весла взлетели над водой, и снека медленно, глубоко осев под тяжелым грузом, повернула на север.

– Тор и Мйольнир! – донесся крик откуда-то из моря.

– Малый Иггдрасиль*! – ликующе закричали с «Оленя».

Вглядевшись, Гейр различил в море черные очертания плывущих кораблей, трех или четырех. Все они были не слишком велики и не походили на боевые. А на берегу не осталось уже ни одного фьялля, только неподвижные тела.

Пошарив взглядом вокруг, Гейр нашел и поднял свой меч, и к нему вернулось немного уверенности. С мечом в руке он подошел к затухающему костру – посмотреть, остался ли в живых еще хоть кто-нибудь. Должны же быть...

Из облаков вышла луна, большая и желтая. Квиттингская луна, солнце умерших. Словно мертвецы, разбуженные ее светом, темные фигуры на песке зашевелились. Скейв уже суетливо бегал от одного к другому, наклонялся, тормозил, бранился, призывал богов и проклинал то ли троллей, то ли фьяллей. «Конечно! – неизвестно к чему подумал Гейр и вдруг ощутил такой свирепый приступ досады, что зубы сжались, чуть не прикусив язык. Щека заболела: на ней оказалась довольно глубокая царапина, покрытая пленкой подсохшей крови. – Прошлым летом плавал Скьельд – и ничего! А как я, так сразу!»

Встав на колени возле затухшего костра, он пошевелил угли концом меча. Блеснули красные искры, словно потревоженное кострище приоткрыло глаза; со змеиным проворством из-под головни выскользнул язычок пламени. Гейр принялся раздувать угли, пошарил возле себя, где с вечера были сложены запасы хвороста. На них, помнится, сидел Книв... Книв!

Вдруг вспомнив о брате, Гейр быстро глянул вокруг. Теперь он спохватился, что ни разу за всю битву не видел Книва. Тот не славился как боец, хотя владеть оружием учили и его.

Неужели убит? Некоторые из родичей Гейра складывали головы в походах, но терять братьев, да еще вот так, на глазах, не приходилось. В груди стало мерзко и холодно.

– Да дуй живее – надо же перевязывать, не вижу ничего! – сварливо и горестно кричал Скейв, с разлохмаченной темной бородой и дико блестящими при свете луны глазами сам походивший на тролля. – Или тебе здесь не люди лежат, а бревна?

Гейр принялся торопливо раздувать костер. Из темноты доносились стоны и брань, кое-кто уже поднялся на ноги. Несколько человек остались почти невредимы, еще десятка полтора получило ранения. И с десятков тел лежали неподвижно и беззвучно, разметавшись в броске, сжимая в руках оружие. С ним воины больше не расстанутся, но земные битвы окончены навсегда. Ивар... Взгляд выхватил темную фигуру на песке; руки и меч Ивара, а лицо... там нет лица, полголовы снесено... Гейра замутило, в горле встал ком, грудь казалась деревянной.

Рядом что-то зашевелилось. Из-под охапки веток с брошенным сверху разбитым щитом выползала знакомая нескладная фигура.

– Книв! – крикнул Гейр, но тут же радость сменилась жгучим негодованием. – Так ты что же, гаденьш, все время провалялся под ветками! Пока мы дралась, ты прикрывал грудью богиню Йорд! Ты даже меч не вынул – да и зачем он тебе! Тебе только со свиньями воевать! Скажу отцу, чтобы отнял у тебя меч, а не то я... Не знаю, что я с тобой сделаю, но ты весь наш род опозорил, паршивец! Небось там все штаны уделал со страху! Не подходи ко мне, воняет!

– Помогите кто-нибудь! – крикнул Скейв, пытаясь поднять кого-то и подтащить поближе к костру. Лежащий глухо застонал.

Боязливо оглянувшись на брата, Книв бросился к кормчему, помог тащить раненого.

– Я не виноват... – бормотал Книв, стараясь не глядеть на разгневанного брата. – Это же мертвецы... Фьяльские мертвецы с берега. Я видел... Видел одного, того самого, что там лежал – он бежал вон оттуда с мечом! Я не умею биться с мертвецами!

– Да какие мертвецы! – возмущенный Гейр не стал продолжать. Ему было противно даже смотреть на Книва, как будто участие того в схватке могло бы спасти «Олень» и погибших хирдманов.

– Ты тоже хорош! – Другой хирдман толкнул Книва в шею, и тот проворно втянул голову в плечи. – Расквакался! Мертвецы ночью придут и возьмут свое! Вот они и пришли! И взяли! Только не свое, а наше!

– Это все Вигмар, – бормотал кто-то возле костра. – Если бы он не трогал тех утопленников, то они бы на нас не полезли.

Гейр вспомнил о Вигмаре. Перед глазами пронеслось: уродливый фьяль бьет клинком по горлу Лисицы, и тот спиной вперед летит в воду. И все, только всплеск и шум волн. И темный блеск крови на клинке фьялля. Гейр поежился, огляделся, вдруг ощутив пустоту вокруг. Ему бы и в голову не пришло назвать Вигмара своим другом, но без него сразу стало одиноко. Он был надежным спутником. И ведь приближение фьяллей первым учуял именно он. Если бы не Лисица, то скольких враги перебили бы еще спящими?

– А-а-а-и-и-ий! – вдруг завизжал Книв, и Гейр даже не сразу узнал голос брата. Бывшего брата, да возьмут его тролли!

Все повернулся к парню. А Книв вопил, с перекошенным от ужаса лицом указывая в сторону берега.

Сжав выпущенную было рукоять меча, Гейр вскочил. И охнул: от шумящей полосы прибоя к ним приближалась, пошатываясь, страшная, но чем-то хорошо знакомая мокрая фигура.

Пробрала холодная дрожь: его же убили... Сам видел...

Квитты застыли кто как был, раненые выпустили из рук недомотанные концы повязок. А Вигмар подошел к самому костру и обессиленно сел прямо на землю. Гейр вытаращенными глазами смотрел на его горло. Ни раны, ни шрама, ни даже царапины. Только нижняя губа рассечена, должно быть, краем фьяльского щита, и по рыжей щетине на подбородке медленно

ползет размазанная кровавая дорожка. Тяжело дыша, полуопустив веки, мокрый с головы до ног, Вигмар оперся руками о землю перед собой и свесил голову, пытаясь прийти в себя. Рыжие косы от воды казались черными.

– Ты живой? – осторожно спросил Хамаль, один из хирдманов Вигмаровой усадьбы.

Вигмар поднял голову, губы его дрогнули. По привычке насмешничать он хотел ответить «нет», но понял по лицам, что его ответ примут за правду. А драться еще и с собственными спутниками не хотелось. На сегодня даже ему было достаточно.

– Копье... утопил... рябой тролль... да обнимет его Хель! – в несколько приемов выговорил он и шумно перевел дух.

– Я же видел... – севшим голосом пробормотал Гейр. – Он же тебя... по горлу...

Вигмар запрокинул голову, показывая всем целое горло. Он не тратил слов на убеждения, но Гейр сам вспомнил. Вспомнил, почему Вигмар заплетает на голове пятнадцать кос и привешивает к концу копья лисий хвост. Он считает своим покровителем Грюлу – пятнадцатихвостую лисицу-великана, могучий дух, обитающий в осиновых рощах, вересковых пустошах, ольховых болотах и серых гранитных россыпях северной части Квиттинга. Ее изредка видят, но никто не пожелает встретиться с ней вторично: таким огромным, неодолимым ужасом наполняет человека эта встреча. А Вигмар сын Хроара поклоняется ей и говорит, что лисица помогает ему. Он такой: ищет то, от чего другие стараются держаться подальше. Рагна-Гейда говорит, что Вигмар стремится вновь и вновь испытывать собственные силы, словно хочет непременно выяснить, где же их предел. По слухам, Грюла иной раз одалживает своему любимцу одну из жизней, которых у нее в запасе множество. Без ее покровительства Вигмар уже не раз успел бы погибнуть. Теперь Гейр своими глазами видел: все это не пустая похвальба. Лучше бы он оказался оборотнем – это как-то понятнее.

Опомнившись от изумления, Скейв кормчий снова принялся ворчать и причитать, здоровые занялись ранеными. Гейр пытался кому-то помогать, но на душе было так тошно, что все валилось из рук. В первый раз отец доверил ему «Оленя» – и вот, остался и без корабля, и без товара. Вспомнились тяжелые всплески – это фьялли выбрасывали за борт железные крицы*, которые Гейр вез на Квартинг, чтобы там обменять на хлеб. Отличное квиттингское железо, самое дорогое во всем Морском Пути! Но фьяллям важно было взять на корабль побольше людей. Что же все это значит?

«Конунг ждет!» – вспоминал Гейр крик толстого фьялля. Тролли их знают!

Немного отдышавшись, Вигмар тряхнул головой, перебросил со спины на грудь несколько мокрых кос, выбрал одну и отрезал, а потом, шепча что-то, положил в пламя. Мокрые волосы не хотели гореть, пошел пар, но потом вся коса разом вспыхнула. Грюла приняла жертву. Вигмар неотрывно смотрел в пламя, а Гейр поспешно отвел глаза: он не хотел даже мельком увидеть там то же, что разглядывал рыжий оборотень.

Глава 2

Еще издалека, спускаясь в долину со склона холма, Вигмар заметил возле ворот усадьбы Хьертлунд несколько движущихся цветных пятен. Ветер раздувал плащи, как разноцветные листья: красные, зеленые, коричневые, рыжие.

– Посмотри, Вигмар, это Атли! – Эльдис тоже увидела и затеребила брата за рукав. – Это Атли Моховой Плащ! Я же тебе говорила, что он тоже приедет, а ты мне не верил!

– Почему не верил? – неохотно отозвался Вигмар. Приезд Атли его не обрадовал, и на то имелась веская причина. – Я думал, что Стролинги не станут его приглашать. А раз уж пригласили, то как же ему не приехать? Те, кто побогаче, тоже не упустят случая наесться до отвала у соседей!

Вигмар пожал плечами и снова с досадой ощутил пустоту вместо привычной тяжести копья за спиной. Свое копье с лисьим хвостом он утопил на побережье, а другого подходящего дома не нашлось. Род Хроара-С-Границы был далеко не самым богатым в округе. Строго говоря, вовсе не богатым. Чтобы не опозориться перед людьми, Вигмар взял с собой к Стролингам один из тех мечей, что снял с фьяльских утопленников. Второй пришлось продать по дороге на каком-то гостинном дворе – возвращаясь из бесславного похода, даже Гейру сыну Кольбьерна пришлось считать каждый пеннинг*, чего уж говорить о нем! А мечи у фьяллей оказались неплохие – сразу видно дружину самого конунга. Вигмар продал тот, что похуже, – получил полторы марки*. Мог бы выручить и больше, но третий торговец-слэтт разглядел, что как раз из нужды в серебре Вигмар продает меч. С оставшимся же не стыдно было прийти в гости хоть к Стролингам, хоть к кому угодно. И что на рукояти фьяльский молоточек – тоже хорошо. Всякий поймет: это добыча.

Когда Вигмар и Эльдис с пятью хирдманами (составлявшими всю дружину усадьбы Серый Кабан) въехали в ворота Оленьей Роши, двор уже наполнился народом. Сразу видно: Стролинги устраивают пир и созывают ближних соседей и дальних, которых удастся оповестить за три дня. «Вот только повод не слишком-то почетный! – усмехаясь, думал Вигмар, отдав коня челяди и выискивая среди знакомых и полужнакомых лиц кого-нибудь из хозяев, чтобы поздороваться. – Младший сын потерял корабль с товаром!» Но как бы то ни вышло, а люди должны знать, что случилось и как случилось. Именно этой необходимости Вигмар и был обязан приглашением. Обычно Стролинги не жаловали его своей дружбой, но без Лисицы рассказ о событии будет что лошадь без головы. То есть никуда не годным.

Вообще-то «кого-нибудь» из Стролингов не приходилось долго искать – уж слишком их много, и все рослые, длиннорукие, длинноногие, худощавые и подвижные. Стролинги не славились красотой, но волосы у них были хороши: светлые, мягкие, вьющиеся красивыми мелкими волнами, так что головы хозяев светились в толпе, как маленькие солнышки. В обрамлении таких волос даже вытянутые, с высокими лбами и тяжелыми угловатыми подбородками лица Стролингов выглядели неплохо. Вон бегают Ярнир, самый длинный и самый шумный из длинных и шумных потомков Старого Строля. Матушка нарекла его Аудхлодом, призывая таким образом сразу и богатство, и славу на свое чадо, но имя быстро сменилось прозвищем Ярнир – Железный. Ярнир был горяч, как свежевывоканный топор, и мог наделать столько же шума. Вон стоит его дядька Хальм, кузнец и чародей, и едва роняет одно-два слова в ответ на пространные речи, которые к нему обращает Логмунд Лягушка. Но Вигмар на самом деле искал не кого-нибудь, а *кое-кого* ...

Рагна-Гейда обнаружилась у самых дверей, где разговаривала с Атли сыном Логмунда. Он только что сошел с коня и теперь лихо поигрывал плетью. На пир Атли нарядился во все самое лучшее – в башмаки с красными ремешками, в красный плащ с синей шелковой полосой,

в новенький синий кюртиль*, обшитый цветной тесьмой сверху донизу. Гость что-то горячо говорил – у них в роду все разговорчивые, – и Рагна-Гейда слушала, приветливо улыбаясь.

Вигмар остановился в нескольких шагах, положил руки на пояс и стал с выразительным любопытством осматривать нарядного Атли. Надо же, расточковался, любой тетерев позавидует. Но Рагна-Гейда не тетерка – она достаточно умна, чтобы разобраться, есть ли у человека какие-нибудь достоинства, кроме нарядных одежд.

Однако задержка не особо огорчила Вигмара, потому что он мог смотреть на Рагну-Гейду. Всякий день, когда предстояла встреча, его наполняло такое воодушевление и радость, словно сегодня опять начиналась весна. Единственная дочь Стролингов уродилась самой красивой в семье. Их черты в ней были по-женски смягчены, широкий рот охотно улыбался, а серо-зеленоватые глаза освещали лицо так ярко, что о недостатках не хотелось думать. Ей сравнялось девятнадцать лет, и уже три года она считалась лучшей невестой в округе, предметом зависти женщин и соперничества неженатых мужчин.

Для гостей она надела нарядное платье из красной шерсти, а на груди ее сверкало узорчатое золотое ожерелье с пятью крупными красными камнями. Под лучами солнца самоцветы горели, как гладкие выпуклые угольки, и делалось страшно за девушку: как бы ей не обжечься! Говорили, что отец Кольбьерна привез украшение с уладских островов, где его носила какая-то тамошняя королева. И уж точно эта королева не была красивее Рагны-Гейды!

Атли все говорил и говорил, не давая хозяйской дочери обратить внимание на других гостей. Это уже наглость – он ведь тут не один! Вигмар упрямо стоял и ждал. Вдруг девушка глянула через плечо Атли, Вигмар поймал ее взгляд и понял: его давно заметили. Под солнечным лучом глаза девушки казались совсем зелеными и блестели задорно и насмешливо. Делая вид, будто слушает болтуна, Рагна-Гейда улыбнулась уголками губ, и эта улыбка предназначалась Вигмару. «А, и ты явился, Лисица! – как наяву услышал он голос Рагны-Гейды, грудной и звучный, умеющий передать такие оттенки чувств, о существовании которых тот же Атли и не подозревает. – Значит, ты все-таки сумел за эти три дня оттереть грязь с башмаков и кровавые пятна с плаща! Подвиг, достойный Сигурда и Хельги*! Или у вас все же нашелся новый? До чего же богаты иные люди, просто диву даешься!»

И Вигмар подавил вздох, как будто все это прозвучало не в его воображении, а на самом деле. Да, старые башмаки после полумесячного пешего путешествия домой остались только сжечь, а эта нарядная рубаха, крашенная луковой шелухой в красновато-коричневый цвет, у Вигмара единственная годилась для пиров. И он готов был побиться об заклад, что Рагна-Гейда об этом знает.

– Приветствую тебя, Вигмар сын Хроара! – сказала вдруг Рагна-Гейда. Атли удивленно обернулся – как женщина может обращать внимание на кого-то еще, когда здесь стоит он сам? – Без тебя наш пир сегодня бы не удался, как пиво без хмеля! Гейр! – обернувшись, она позвала младшего брата. – Проводи гостя на достойное место!

Молча нагнув голову в знак благодарности, Вигмар пошел вслед за Гейром и напоследок поймал взгляд, предназначенный ему одному. И последние льдинки досады растаяли, в душе вскипел бурный поток ликования. Она ждала, она рада его приезду. И пусть себе Атли болтает хоть до Затмения Богов*.

Атли же, прежде чем продолжить свою учтивую речь, проводил удивленным взглядом спину Вигмара с пятнадцатью рыжими косами длиной до пояса. Знатный хельд не мог взять в толк, чем такие незначительные люди привлекают внимание йомфру* Рагны-Гейды. Что у него есть, у сына Хроара Безногого, кроме рыжих кос и наглого нрава? Даже копьё, говорят, и то утопил!

Поймав за руку Эльдис, Рагна-Гейда удержала девушку возле себя: размещением гостей за женским столом занималась она. Атли сказал еще не все, что собирался, но Рагна-Гейда больше его не слышала. Она не улыбалась, но все лицо ее светилось изнутри каким-то теплым

и лукавым светом. Эльдис дивилась про себя: она была достаточно наблюдательна, чтобы это все заметить, но недостаточно опытна, чтобы понять. При ней не раз случалось, что ее брат и дочь Кольбьерна посмеивались и поддразнивали друг друга, и каждый раз у Эльдис оставалось впечатление, что она ничегошеньки из их речей не понимает. Хотелось бы знать: а сами-то они понимают?

Сегодня Вигмару досталось хорошее место – гораздо лучше, чем обычно. Это и понятно: ведь сегодня все будут его слушать, так не тянуть же знатным людям шеи в самый дальний конец стола. На почетном месте против хозяйского сидел Логмунд Лягушка, а рядом – его сын Атли. Вигмар оказался со стороны хозяина и гораздо ближе к женскому столу. Войдя в гридницу вместе с Эльдис и еще двумя женщинами, Рагна-Гейда благодарно подмигнула Гейру: это она просила брата усадить Вигмара именно здесь. И Гейр послушался: сокрушаясь в душе об излишнем любопытстве сестры, он ни в чем не мог ей отказать.

– Так, значит, Кольбьерн, твой сын вернулся из похода без корабля и без товара? – заговорил первым Логмунд Лягушка.

Не переставая жевать, все гости в длинной гриднице* подняли глаза и приготовились слушать. *Что* случилось, все уже знали, но *как* оно случилось – это стоило самого подробного разговора.

– Да, мой сын вернулся без корабля, но корабль забрал сам конунг фьяллей! – без смущения ответил Кольбьерн, откладывая кость и утирая бороду рукавом. Он уже продумал, как спасти родовую честь. – Я не слышал таких рассказов, чтобы три десятка хирдманов во главе с восемнадцатилетним вождем выдержали бой с войском чужого конунга и большинство даже осталось в живых.

– Стоит считать за победу, что Гейр и его люди вообще вернулись живыми! – добавил один из уважаемых бондов*, Грим Опушка. И многие закивали, соглашаясь.

Гейр то поднимал глаза, то снова опускал: он все не мог решить, гордиться ему или стыдиться. «Конечно, поход не слишком удачный и отцу обидно, что ты вернулся без корабля! – говорила Рагна-Гейда. – Но если бы корабль вернулся без тебя, поверь, отцу и нам всем было бы гораздо хуже!»

То Скейв кормчий, то хирдманы, то Вигмар по очереди стали рассказывать о ночном сражении с фьяллями. Горящие любопытством глаза гостей обращались то к одному, то к другому путешественнику, челюсти жевали без остановки, щеки блестели от жира в свете пламени многочисленных факелов на стенах.

– Сдается мне, там все-таки были мертвецы! – весомо высказался Модвид Весло. – Зачем бы конунгу фьяллей нападать на ваш корабль? Да и откуда ему взяться на середине западного побережья?

Гости примолкли, многие закивали, заранее соглашаясь с каждым словом. Знатностью Модвид Весло не уступал Стролингам и Логмунду Лягушке и даже как-то два года избирался хевдингом северной четверти, но с кем-то быстро повздорил, кто-то остался недоволен судом, а бывший хевдинг Ингстейн Осиновый тем временем помирился со своими недругами и раздал немало серебра, так что на новом тинге* был избран вместо Модвида. С тех пор тот стал болезненно обидчив и сейчас досадовал, что самое почетное место досталось не ему.

– А зачем мертвецам нападать на них? – воскликнул Ярнир. Он не очень хорошо понимал, где есть угроза родовой чести, и на всякий случай встревал везде. – И откуда там взялись мертвецы? Расскажи об этом, если ты все так хорошо знаешь!

– Кто-то из вас обидел мертвецов! – Модвид кольнул взглядом Вигмара, которого не любил за слишком независимый, не по роду и заслугам, нрав. – Вот они и отомстили вам!

– Если бы я знал, что возникнут такие сомнения, то не стал бы жечь свои старые башмаки, а принес сюда! – насмешливо ответил Вигмар. – На них оставались следы чужой крови. У мертвецов ее не бывает.

Рагна-Гейда отвернулась, пряча усмешку: она живо представила, как Модвид, Логмунд, Атли и другие изумленно разглядывают старые башмаки Вигмара. Кое-кто в гриднице засмеялся тоже, радуясь, что заносчивый Модвид получил по носу, простодушный Ярнир заржал не хуже жеребца. А Гейр вспомнил того фьялля, которому почти отрубил руку. Тот так и умер на берегу, истек кровью, и огромное черное пятно с лежащим на нем телом до сих пор стояло перед глазами. Нет, мертвецом тот человек стал только к концу битвы. Раньше он был живым. Был...

– Да и тебе дорого обошлась та схватка! – крикнул Скъельд, средний сын Кольбьерна. Он смотрел на Вигмара и вроде бы широко улыбался, но оскал его белых зубов выглядел недобрым, и глаза оставались холодны. Братья Стролинги не любили Вигмара. – Где же твое знаменитое хвостатое копьё? Если на вас снова нападут мертвецы или фьялли, чем же ты будешь защищаться? А фьялльские мечи, как видно, не очень-то остры, если вы так легко победили целое войско!

Вигмар напрягся – утратой оружия гордиться нечего и смехом здесь не отделаешься. Но не зря он считал залогом своей удачи умение быстро собираться и с силами, и с мыслями. Помедлив лишь несколько мгновений, он ответил, глядя в глаза Скъельду:

Ясень сечи смелый мечет
Меч тупой – ступил к победе!
Свидур стрел с душой кобылы
В страхе Грам уронит сразу.⁸

По гриднице пробежал ропот, челюсти задвигались медленнее, руки с зажатыми костями и хлебом опустились. Скъельд перестал улыбаться, изменился в лице, так что кожа на скулах натянулась и глаза стали злыми.

– О ком ты говоришь, Вигмар сын Хроара? – подчеркнуто четко осведомился он. – Уж не думаешь ли ты, что в этом доме у кого-то трепетное сердце кобылы?

– Почему ты так решил, Скъельд сын Кольбьерна? – вежливо ответил Вигмар. Увидев, что стрела достигла цели, он сразу повеселел. Его желтые глаза смеялись, и Скъельд отлично это видел. – Неужели у тебя есть причины думать, что кто-то сочтет твое сердце... излишне трепетным?

– Чем точить языки друг о друга, лучше подумайте, что все это значит! – подал голос Хальм. Кузнец приходился двоюродным братом самому Кольбьерну. Длинные золотистые волосы его не вились мелкими волнами, как у всех Стролингов, а висели прямо, как солома. Из-за бороды, делавшей вытянутое лицо еще длиннее, Хальма иногда звали Ланг-Хевид – Длинная Голова. – Мне что-то не верится, что это были мертвецы. На фьяллей больше похоже. Мне сдается, я знаю того человека с золотой пряжкой на животе, который кричал с корабля. Это Модольв Золотая Пряжка, ярл* и родич Торбранда Тролля. Я встречался с ним в Эльвенэсе и Аскефьорде. Модольв не ходит по морям разбойничать, это мирный человек. И если уж он взялся отбирать корабли у мореходов, значит, дело серьезное. И без самого Торбранда конунга не обошлось.

Гридница невнятно забормотала. Хальма все уважали за ум и проницательность, а шутить он не умел. Раз сказал, что дело серьезное, значит, так оно и есть. А нападение фьяллей на людей с Квиттингского Севера касалось здесь всех. Ведь у любого может возникнуть надобность съездить на торг Ветрового мыса.

⁸ Ясень сечи, Свидур стрел – обозначения воина (Свидур – одно из имен Одина), с душой кобылы – трусливый, Грам – меч Сигурда Убийцы Дракона.

– И потеря копья – очень серьезная потеря! – неумело изображая озабоченность, сказал Атли. Знатный хельд обиделся, что про него забыли и слушают какого-то Лисицу-С-Границы, которому даже одеться на пир толком не во что. – С чем же ты будешь воевать, Вигмар? Даже когда я остался один против всей дружины уладов и скрывался в лесу, я сберег свой меч!

Атли Моховой Плащ горделиво поднял голову: прозвище ему принес давний случай, когда в походе на уладов он был разбит тамошним вождем-ригом и вынужден прятаться в лесу подо мхом. Он гордился этим случаем, как примером своей удачи и находчивости, а Вигмара так и подмывало спросить: да как же ты, троллячий хвост, умудрился потерять и погубить всех своих людей? И как у тебя после этого хватило бесстыдства вернуться домой?

– Да, с тех пор у тебя плащи получше! – ответил Вигмар, который не уважал Атли, а значит, был равнодушен к его попыткам обидеть. «Больше-то у тебя не бывает случаев проявить свою доблесть!» – хотел он сказать, но Атли, как видно, не понял.

– Это что! – воскликнул со своего места Модвид Весло. – Когда я встречался с фьяллями в море, их было пять кораблей против моего одного! И все равно мы вступили в бой! Так что тридцать человек на войско – это еще не самое удивительное. Да и сколько его было, того войска? Вы же в темноте не считали!

При этом Модвид бросил взгляд туда же, куда и Атли перед этим – к женскому столу, на йомфру Рагну-Гейду. А она молчала, переводя смеющийся взгляд с одного героя на другого, и тихо забавлялась. Ну, чем не бой коней?⁹

Вигмар тоже посмотрел на нее и вдруг разозлился. Эти герои, значит, будут хвастаться перед ней своими подвигами, а он будет вроде как точило для мечей их доблести! Суши весла! Глядя на Рагну-Гейду, Вигмар прищурился, словно хотел коснуться ее взгляда острием своего, и произнес:

В поле воин виден ясно —
верно ль брани рад отважный?
Всяк в дому болтун умеет
смелой речью сечь прославить.

Тут уже переменялись в лице все: и Стролинги, и Атли, и Модвид, и родичи обоих героев. Кольбьерн нахмурился, оперся ладонями о стол, напрягся, как будто готовясь встать.

– Чем разбирать подвиги того или другого, вы бы лучше подумали, что теперь делать вам всем! – среди общего гула сказала фру Арнхильд, жена Кольбьерна. Она приходилась матерью Рагне-Гейде, Гейру, Скъельду и отсутствующему Эггбранду, а кроме того, славилась умом и колдовской мудростью. – Ведь мы потеряли корабль и товар, – продолжала хозяйка. – И если мы ничего не сделаем, то этот обильный пир будет последним на несколько лет. У нас нет ни хлеба, ни железа, чтобы его выменять. Я уж не говорю про мед, хороший лен и прочее, без чего можно кое-как прожить. А вот без хлеба будет плохо. Этой зимой нам всем придется жевать мох – и свободным, и рабам! Мы потеряли много, и Хроар потерял третью часть от нашего. Так что кончайте перебирать ваши подвиги, дробители злата,¹⁰ и подумайте, что делать.

Сначала ей никто не ответил. Потом подал голос Вигмар.

– Если бы я был хозяином этой земли, я бы недолго думал, где мне взять золота, – сказал он. – Ведь это у вас стоит поблизости курган Гаммаль-Хьерта. А Старый Олень забрал с собой в Хель все, что имел. Его курган наполовину состоит из золота и только наполовину из земли. Или это лживые саги?*

⁹ Древнее развлечение: жеребцов стравливали между собой.

¹⁰ Дробители злата – воины.

– По-твоему, взять его будет легко? – закричал Ярнир и от возбуждения даже вскочил с места. Гаммаль-Хьерт, оборотень с оленьей головой, еще в Века Асов побежденный Старым Стролем, был любимым предметом увлекательных разговоров у зимнего очага по всей округе. – По-твоему, Старый Олень только и ждет, как бы отдать нам свое золото?

Гридница разом зашумела: об этом у всякого нашлось что сказать.

– Я вовсе не говорю, что это будет сделать легко! – повысив голос, ответил Вигмар. Ему стало весело: неплохую задачу он задал этим Стролингам! – Но от легкого дела и чести немного. Довольно золоту лежать в земле, где от него никому нет никакого прока! К тому же храбрее Стролингов нет людей по всему Квиттингскому Северу, не так ли? Твои братья, Ярнир, снова доказали это той самой ночью. Когда все боялись, что на нас нападут мертвецы, Гейр и Книв сами вызвались посидеть на страже. Мы с ними даже побились об заклад...

– Да, и где же наш заклад? – закричал Книв с дальнего конца стола. Опозорившись во время битвы, он теперь вел себя тихо, мечтая исправиться, но такого случая не мог пропустить. – Ты должен отдать нам амулет! Ты обещал! Мы же отсидели стражу!

Вигмар повернул голову, нашел парня глазами и немного помолчал. Книв вдруг устыдился и ощутил желание залезть под стол. Сейчас ка-ак скажет... что трусу и сыну рабыни место в свинарнике, а не в гриднице среди доблестных мужей... Так что помалкивай, Книв-Из-Под-Хвороста.

Гейр тоже заерзал на месте, даже бросил тревожный взгляд Рагне-Гейде, как будто сестра могла каким-то чудесным способом помешать Вигмару ответить.

– *Сидеть* может и петух на насесте! – подчеркивая первое слово, ответил наконец Вигмар. – А кто первым услышал фьяллей? Вы или я?

Книв и Гейр промолчали.

– А что за заклад? – спросила любопытная фру Гродис, жена Хальма.

– У Лисицы амулет с фьяльскими рунами! – сказал Скейв кормчий. – Не надо было ему его брать!

– От золота на дне моря не больше пользы, чем от золота в земле! – весело крикнул кто-то из молодых парней.

– Наследство мертвецов до добра не доводит! – настаивал Скейв.

– Всякое наследство остается после мертвецов! – мудро заметил Грим Опушка. – Наследство живых называется грабежом!

– Ему самому пригодятся фьяльские руны! – намекнул Скъельд, злобно глядя на Вигмара. Хозяйскому сыну все казалось, что он еще не рассчитался за насмешки. Впрочем, это чувство наполняло его при каждой встрече с Вигмаром Лисицей. – Ведь и он, мне сдается, занимается колдовством!

Вигмар быстро встал на ноги, рука выразительно скользнула к рукояти фьяльского меча. Колдовство – женское дело, обвинять в нем мужчину – оскорбление.

Рагна-Гейда перестала улыбаться.

– Прекрати, сын! – с напором сказал Кольбьерн и опять оперся руками о стол – это у него служило признаком серьезности намерений. Он не слишком любил Вигмара, но на пиру положено соблюдать мир и не наносить оскорблений своим недругам, раз уж сел с ними за один стол.

– Я видел, как он сидел посреди пустоши возле костра и что-то бормотал! – продолжал Скъельд, бросив на отца быстрый взгляд. Это была правда, а не клевета, а правду, по его мнению, разрешалось говорить за чьим угодно столом, и тем более за своим собственным. – Пусть он скажет, что это не колдовство!

– Если ты хочешь, я именно так и скажу! – ответил Вигмар. Он сохранял внешнее спокойствие, но лицо его напряглось и побледнело, белизна кожи ярче проступила рядом с рыжими волосами, а что-то неуловимо звериное в острых чертах проявилось яснее. – Я не знаю, о каком

дне ты говоришь, но после охоты я всегда приношу жертвы моему покровителю, Грюле. Приносить жертвы – не значит колдовать. Спроси хотя бы у своей матери, если не веришь мне.

– А что это были за фьялльские руны? – торопливо спросила Рагна-Гейда, стремясь перевести беседу на другое. Вигмар-то за себя постоит, но драка на пиру позорит в первую голову хозяев дома.

Вигмар повернулся к ней, потом сел на место. Лицо и голос девушки выдавали тревогу. Хотя о чем тревожиться дочери Кольбьерна? У нее так много братьев, что одним больше, одним меньше...

– Что же за амулет ты нашел? – спросила она.

– Я нашел очень занятную вещь! – Вигмар вынул из-под рубахи золотой полумесяц на ремешке. – Твои братья решили, что тебе, йомфру, будет любопытно на него взглянуть. Этот амулет был залогом в нашем споре, просидят Стролинги две полуночные стражи или не просидят. А поскольку они именно *просидели*, то амулет остается у меня. По-моему, и сам Форсети не рассудил бы лучше.

– Но ты мог бы дать мне его хотя бы посмотреть! – Рагна-Гейда снова улыбнулась, в глазах заблестело лукавство. В глубине души она подозревала, что даже для такого норовистого коня, как Вигмар сын Хроара, можно подобрать узду.

Но смысл взглядов девушки оставался скрытым от всех, кроме самого Вигмара. Иногда ему казалось, что слишком уж хорошо они с Рагна-Гейдой понимают друг друга, даже когда не хотят быть понятыми. И в такие мгновения, как сейчас, набитая людьми гридница делалась пустой – он видел ее одну и знал, что она видит только его.

– Да, я мог бы дать тебе его посмотреть, йомфру! – нарочито простодушно ответил Вигмар и подвигал бровями, как дурачок, который не может подобрать подходящих слов. – Но не задаром. За плату.

– Что он там такое бормочет? – с досадой выкрикнул Атли, о котором снова забыли. Дочь Кольбьерна уж слишком много внимания уделяет недостойным людям!

А Вигмар бросил короткий взгляд на Атли, заметил недовольное лицо Модвида – его-то не так дотошно расспрашивают о подвигах! И Стролинги сидели с настороженными лицами: ждали подвоха. Умники, правильно ждали!

– Чего же ты хочешь? – понизив голос, будто дразня, спросила Рагна-Гейда.

– Поцелуй! – Вигмар тоже понизил голос, уже ловя слухом тот всплеск общего негодования, который непременно должен последовать.

Конечно, он не надеялся на согласие, а ждал именно этот всплеск. О котором и будут рассказывать, вспоминая пир в Оленьей Роще, еще долго-долго. А вовсе не о красном плаще Атли сына Логмунда.

– Придержи язык! Ты кто такой! Ты с кем говоришь! – закричали, конечно, со всех сторон, и Атли с Модвидом старались постоять за честь хозяйской дочери не меньше, чем ее родня. Хотя им-то, собственно, какое дело?

Скьельд и Ярнир опять вскочили, сжимая кулаки, но Вигмар не тронулся с места и сидел с таким довольным видом, словно ему тут пели хвалебные песни. Хозяева не вызовут гостя на поединок прямо из-за стола, да и повод слишком ничтожен, чтобы затевать серьезный раздор. А что рассердятся – так любви и не водилось, терять нечего. А сама Рагна-Гейда...

А Рагна-Гейда смеялась – тихо, уголками губ, так что и соседки по столу не слышали. И глаза ее, устремленные на дерзкого гостя, тоже смеялись. Она знала, что он и не думал ее обидеть, и в таких случаях Вигмар был рад их пониманию.

Вигмар Лисица спокойно сидел на своем месте, ожидая, пока буря над его бесстыжей головой стихнет. Постепенно большинство гостей начали ухмыляться, посмеиваться, хохотать. И фру Арнхильд тоже сидела спокойно, слегка усмехаясь. Она отлично понимала, отчего Атли и Модвид так разгорячились: они рады бы посвататься к Рагне-Гейде, да не уверены в успехе.

А девушка и рада позабавиться, заигрывая у всех на глазах с человеком, который заведомо не годится в женихи. Сама фру Арнхильд в юности была точно такой же и сейчас думала, что понимает свою дочь.

Оглянувшись на жену, Кольбьерн сообразил, что бушевать не стоит, и принялся унимать сыновей. Он твердо верил, что фру Арнхильд никогда не ошибается.

– Теперь я понимаю, почему вы одолели войско фьялльских мертвецов! – сказала хозяйка, когда общий шум поутих. – Ведь среди вас были одни храбрецы. И я не удивлюсь, если и правда найдутся охотники поглядеть, так ли велики сокровища Старого Оленя, как о них рассказывают.

Все в гриднице вертели головами, глядя то на Вигмара, то на братьев Стролингов. Кто первым скажет и что именно? А Рагна-Гейда вдруг произнесла, с насмешкой глядя на Вигмара:

Муж иной хвалиться ловок —
слух недаром слово ловит —
воин славный делом доблесть
деве явит в плеске лезвий.¹¹

Вигмар хотел бы ответить, но не мог, простые слова не шли на ум. Виса* Рагны-Гейды взволновала гораздо сильнее враждебных слов и гневных криков мужчин. Девушка поймала строки его собственных стихов, произнесенных здесь же чуть раньше, как иной удалец в битве ловит вражеское копьё, чтобы тут же метнуть назад. И только глупый великан не поймет, в кого она метила этим копьём. Славным воином можно назвать любого мужчину, но Рагна-Гейда вплела в свой стих его имя.¹² И это был очень меткий бросок! Только она одна, Рагна-Гейда, из всего рода Стролингов оказывалась достойным противником.

– Уж конечно, мы не будем сидеть сложа руки и ждать, что подскажут сны! – Ярнир первым не выдержал и взвился над столом, как будто собирался бежать прямо сейчас. – Мы пойдем пошарим в закромах Старого Оленя, да?

С птичьим проворством он завертел длинной шеей, оглядывая братьев.

– А что же молчит славный Победитель Мертвецов? – язвительно спросил Скъельд. – Ты, Вигмар, не хочешь пойти с нами?

– Я уступаю вам честь быть первыми, – великодушно отвечал тот. Но все Стролинги готовы были дать руку на отсечение, что Лисица опять задумал какой-то подвох. – Ведь это ваш предок когда-то одолел Старого Оленя, вам и повторить его подвиг. А я уж потом... Если сами не справитесь...

Пока Стролинги на много голосов уверяли, что справятся без помощников, Рагна-Гейда снова улыбнулась.

– И если не поцелуй, то рог с медом я поднесу тому, кто принесет и положит на этот стол лучшее из сокровищ Гаммаль-Хьерта! – пообещала она, с вызовом поглядывая на Вигмара.

Блеска леса быстрой сельди
Больше мертвому не мерить!
Пред очами Вер веретен
Выкуп выдры скоро будет!¹³ —

¹¹ Плеск лезвий – битва.

¹² Имя «Вигмар» состоит из двух частей: «виг» – «битва» и «мар» – «слава».

¹³ Блеск леса сельди – золото (лес сельди – море), Вер веретен – женщина, то есть Рагна-Гейда, выкуп выдры – золото (ссылка на миф, согласно которому боги за убийство выдры должны были засыпать ее шкуру золотом).

мгновенно ответил Вигмар, как будто давно приготовил эту вису и держал на языке.

На самом деле стихи складывались уже во время чтения, но получились так хорошо, что он сам восхитился своим мастерством. Впрочем, чему удивляться: при виде Рагны-Гейды все его силы вскипали, как горячие подземные ключи, и не было такого дела, на которое он не ощущал бы себя способным. И только одно смущало его мучительными сомнениями: по искреннему ли движению сердца дочь Кольбьерна так открыто выделяет его из всех или нарочно подзадоривает вечного соперника своих братьев, чтобы иметь случай посмеяться?

Вечером, когда большинство гостей уже укладывались спать и только самые стойкие воины еще сидели в гриднице вокруг последнего котла с пивом и нестройными голосами тянули восемнадцатую за этот вечер круговую, Вигмар столкнулся в пустых темных сенях с Рагной-Гейдой. Лишь бледный луч света упал через выпустившую ее кухонную дверь, но он узнал девушку, не мог не узнать. При ее появлении какое-то свежее чувство толкало изнутри, и весь мир изменялся, даже запахи делались резче и очертания предметов ярче. Сам воздух становился другим, когда она появлялась поблизости, все чувства обострялись, и оттого жизнь делалась сладкой, как никогда. Дверь из кухни закрылась, но темнота не мешала Вигмару видеть эту стройную фигуру.

Никто не мог их здесь увидеть. Вигмар мгновенно взял Рагну-Гейду за плечи и оттеснил в самый темный угол. Каждое мгновение было дорого.

– Это ты, Гроза Мертвецов! И как я только терплю твое нахальство? – шепотом изумилась Рагна-Гейда.

– А ты и не терпишь! – утешил ее Вигмар, не убирая рук, но и не предпринимая никаких дальнейших шагов: здесь находился предел дозволенного ему, и он об этом знал. – Ты бурно возмущена, просто как валькирия*, нашедшая в котле с медом дохлую крысу.

– В Асгарде* не водятся крысы! – фыркнула Рагна-Гейда. Если Вигмар хотел ее рассмешить, то она при всем желании не могла удержаться от смеха. – Вот, кстати, об Асгарде: я просто ужасно тебя боюсь. Тебя же, говорят, убили!

– Ты так думаешь? – шепнул Вигмар и придвинулся еще ближе.

Между ними дышал могучий теплый поток какой-то силы, упрямо тянувшей друг к другу. Но если Вигмару это нравилось, то Рагна-Гейда испытывала нечто вроде жути. Они уже больше трех лет играли в эту непонятную игру, которая сейчас вдруг стала оборачиваться какой-то грозной и неодолимой правдой. Она поняла это, когда слушала рассказ Гейра о схватке Вигмара с рябым фьяллем. Кто он для нее, этот Вигмар Лисица? Да никто, даже в женихи не годится. Но если бы он не вернулся, мир бы непоправимо опустел. Рагна-Гейда испугалась, когда поняла это.

– Зачем ты так сказал? Там, на пиру? – зашептала она, торопясь выяснить самое важное. Это случайное затишье в сенях дома, битком набитого гостями, не могло быть долгим. – Про поцелуй? Ты это нарочно – громко и при всех?

– Да, да, я это нарочно, громко и при всех! – заверил Вигмар, склоняясь к ней и почти касаясь губами лба. – Я хотел посмотреть, как они все возмутятся и закричат. Все эти герои, которые думают, что стоит им вырядиться в красный плащ, так все женщины их любят...

– А заодно и мои родичи! – с укором перебила Рагна-Гейда, быстро обшаривая взглядом его лицо, как будто думала хотя бы сейчас, вблизи, разглядеть ответ на те сомнения, которые не давали ей покоя. Она тоже не знала, искренне ли Вигмар предпочитает ее всем девушкам округи или просто нашел хороший способ досадить Стролингам. – Меня бранят целый день! Так что Гейр даже вступился: что вы, говорит, к ней привязались, ведь это Вигмар просил у нее поцелуй, а не она у него!

– Уж если бы ты попросила у меня поцелуй, то я тебе не отказал бы! – перебил Вигмар, кожей чувствуя, что кто-то идет и у них остались считанные мгновения.

– А разве я тебе отказала? – Рагна-Гейда лукаво и значительно подняла брови и попыталась улыбнуться. Но не вышло: девушка была слишком взволнована. Никакого ответа она не смогла найти в его лице, только сильнее удивлялась, почему же так тянет именно к этому человеку. – Ты же не отказался показать мне твой чудесный амулет!

– Неужели ты считаешь меня таким скрягой? – Вигмар тоже поднял брови, передразнивая. – Мы ведь не на торгу в Эльвенэсе! Посмотри, если тебе любопытно.

– Покажешь? – Рагна-Гейда изобразила изумление.

– Покажу! – с видом скромного благородства заверил Вигмар. – Только возьми сама. Ты же видела, где он.

Рагна-Гейда немного помедлила, потом подняла руку и коснулась тонкого черного ремешка, видневшегося на груди Вигмара в разрезе рубашки. Было жарко, дыхание перехватывало, мысли разбегались. Сейчас она ни одной руны не отличила бы от другой. Вигмар ждал, и Рагна-Гейда ощущала, что и он дышит чаще обычного. Да что же это такое, богиня Фригт! * Откуда это берется? И что с этим со всем делать?

Наружная дверь скрипнула. Рагна-Гейда метнулась к противоположной, ведущей в кухню, а Вигмар шагнул следом, спиной заслоняя девушку от глаз входящего. Она исчезла; Ульв Тресковый Хвост, в десятый раз за вечер посетивший задний двор, прошел через сени, слегка покачиваясь, и благодушно похлопал Вигмара по плечу: дескать, прости, друг, что помешал, еще успеешь. Девушки Ульв не разглядел, да и какая разница? Все они одинаковы.

– Я едва поверила своим ушам, когда услышала, что ты пропускаешь их вперед! – говорила Эльдис Вигмару на следующий день, по дороге от усадьбы Хьертлунд домой. – Что с тобой случилось? Ты никому и никогда не уступал! Или ты думаешь, что Старый Олень съест их всех?

– Я их пропускаю вперед, потому что ничего у них не получится! – весело отвечал Вигмар. Он был в прекрасном расположении духа, оставшись доволен этой поездкой, как и не ждал. – А когда у них, Стролингов, ничего не получится и они как следует опозорятся, тогда я пойду следом и заберу всю честь себе! Так что не бойся, мышка!

Вигмар стукнул указательным пальцем по носу Эльдис, и девушка рассмеялась, глядя на брата с обожанием. Пятнадцатилетняя Эльдис не была дочерью Хроара-С-Границы: она родилась во время одной из долгих – на четырнадцать месяцев! – отлучек хозяина. Десятилетний Вигмар, как единственный тогда мужчина в семье, сам взял младенца на руки, окропил водой и дал имя. Хроар хельд, вскоре вернувшийся, распорядился выбросить в лес неизвестно чью дочь, но Вигмар сказал, что вместе с ребенком его матери придется выбросить и его. Поскольку ребенок уже был наречен, его убийство стало бы преступлением, и Хроар смирился. Отослать жену назад к ее родне он не мог, потому что не имел возможности вернуть ей приданое и свадебные дары, но с тех пор он старательно не замечал ни саму фру Вильдис, ни ее дочь. Эльдис он уделял внимания не больше, чем собаке или кошке, а неверная жена до самой своей смерти, случившейся пять лет назад, ночевала в женском покое.

Именно после рождения Эльдис у Вигмара зародилась неприязнь к хозяевам Оленьей Рощи. У него не имелось оснований думать, что отцом девочки оказался Кольбьерн, Фримунд, Хальм или еще кто-то из старших Стролингов, но какая-то связь определенно наличествовала, и какой-то вины Хроар не мог им простить.

Сразу после смерти изменницы Хроар женился снова. Мачехой Вигмара и Эльдис стала Хлода, тихая и незлая женщина. Пасынка она побаивалась, с падчерицей обходилась ровно и ласково – перед ней-то девочка ни в чем не провинилась. Своих детей у Хлоды не было.

Узнав о замысле Вигмара, она так разволновалась, что даже решилась поспорить с пасынком.

– Что это ты задумал? – повторяла фру Хлода, нервно теребя край серого передника, сплошь покрытого ржавыми пятнами от селедочного рассола. – Это тебя тролли научили, никак не боги! Да Старый Олень бережет свое добро получше Фафнира!* Думаешь, до вас никто не догадался к нему слазить? Сколько народу он уже присоединил к своим спутникам в Хель? Ты об этом не подумал?

Вместо ответа Вигмар подошел к мачехе и слегка подергал за край передника. Фру Хлода замолчала, настороженно глядя на него.

– Я тебе благодарен за заботу, хозяйка! – проникновенно сказал он. – Но лезть в курган меня не отговорит и сама богиня Фригг. Ты еще не забыла, что наша треть корабля уплыла к фьяллям вместе с теми двумя, что принадлежали Стролингам? И наша треть железа тоже? А фьялли такой народ, что уже не вернут однажды взятого. И если ты хочешь когда-нибудь сменить этот троллиный передник на новый, то не пророчь мне несчастий. Для этого есть довольно много людей в округе, чтобы я еще терпел попреки в собственном доме.

Фру Хлода вздохнула и ничего не ответила. Вигмар умел как-то очень быстро убеждать в своей правоте. По крайней мере, ее.

– Но ведь это не очень опасно? – несчастным голосом спросила Эльдис. Хлода обняла девушку, как будто им обоим уже приходилось спасаться от горя утраты.

– Нет, конечно! – уверенно и беззаботно ответил Вигмар. – Лучшее из сокровищ кургана будет моим. И лучшее из сокровищ Стролингов тоже. Разве я когда-нибудь говорил тебе неправду?

Эльдис смущенно фыркнула – она отлично знала, что или кого ее брат подразумевает под лучшим сокровищем Стролингов. А Хлода опять покачала головой. По ее глубокому убеждению, в Вигмаре дремал то ли берсерк, то ли оборотень. И в придачу он был сумасшедшим.

Усадьба Пологий Холм лежала почти в конце длинного Аскефьорда, так что последнюю часть пути «Олень» проплыл один. В дружине Эрнольва Одноглазого, нового хозяина корабля, насчитывалось всего двадцать пять человек, вперемешку своих и чужих, и теперь они из последних сил налегали на весла. «Ты его первым увидел – ты и бери! – сказал Торбранд конунг. – Конечно, эту снеку не сравнить с вашим прежним кораблем, но сам знаешь: нет уздечки – и веревка сгодится». Всю дорогу людям пришлось грести без отдыха, поскольку заменить их было некому. Двадцать пять человек – двадцать четыре весла и руль.

На отмели перед ельником, отделявшим Пологий Холм от берега, виднелась пестрая толпа – чуть ли не все население усадьбы. Заметив встречающих, Эрнольв ниже склонился к веслу, словно хотел спрятаться, выгадать еще несколько мгновений. В мыслях он все оттягивал встречу, все надеялся, что сумеет хотя бы по дороге от берега к дому найти какие-то слова для матери, для отца, для Свангерды... Но какие слова здесь найдешь! Сам Один, Отец Поэзии и даритель красноречия, едва ли сумеет помочь человеку, который везет весть о смерти старшего брата родителям и вдове. Придется рассказать все-все: и про пустую усадьбу квиттинского хевдинга Фрейвида Огниво, главную цель похода, и про ночной пожар в этой самой усадьбе, при котором только чудом никто не погиб; и про то, как чудовищный тюлень, злой дух квиттинского побережья, разбил и утопил все шестнадцать кораблей Торбранда конунга, погубил треть дружины и заставил фьяллей захватывать любые суда, какие попадутся по пути, только чтобы скорее вернуться домой... И что Халльмунд оказался в числе утонувших. И что его тело, как тела почти всех погибших, невозможно было найти и достойно похоронить... Нет, все дорогу Эрнольв жалел, что Халльмунд, а не он сам сгинул в волнах квиттинского моря.

Нынешняя встреча совсем не походила на все прошлые. Никто не бегал, не махал руками, не кричал. Даже дети молча жались к бокам матерей, исподлобья вглядываясь в незнакомый корабль с оленьей головой на штевне. На верхушке мачты – чужой бронзовый флюгер, отлитый в виде волка с языками пламени в широко раскрытой пасти, на бортах висит по четыре-

пять щитов, выловленных из моря... как остатки зубов в сильно пострадавшей челюсти. За этого «Оленя» пришлось заплатить «Вислоухим». У Хравна хельда из Пологого Холма имелся отличный боевой корабль, единственным недостатком которого считались слишком широко расставленные уши драконьей головы на штевне. Мастер хотел пошутить...

Берег приближался, уже можно было разглядеть лица. Эрнольв старался туда не смотреть, но одним коротким взглядом своего единственного ныне глаза охватил их всех: мать, отца и Свангерду. Женщины жались друг к другу, и маленькая, хрупкая Свангерда казалась девочкой рядом с рослой, плечистой фру Ванбьерг. Они не сводили глаз с корабля и молчали.

«Они все знают», – мелькнула догадка, но облегчения не принесла. На голове Свангерды виднелось светлое покрывало, она еще не считала себя вдовой.

«Олень» царапнул днищем песок. Эрнольв встал, как обреченный на казнь, перепрыгнул через борт и по пояс в холодной воде побрел к берегу. Больше отступать некуда.

Мать первой сделала шаг навстречу.

– Приветствую тебя, сын мой! – сказала она ровным негромким голосом, и это спокойствие всегда шумной и порывистой фру Ванбьерг так ясно выдавало горе, что Эрнольву показалось, будто он только сейчас впервые понял всю глубину их потери. – Мы рады видеть тебя дома... живым и... невредимым...

Голос дрогнул, но женщина справилась с собой и закончила приветствие. Если хозяйка не удержит себя в руках, то весь этот берег покроется воплями и плачем.

Эрнольв посмотрел в лицо матери, заметил несколько глубоких морщин возле глаз и по сторонам носа и забыл даже те жалкие слова, которые нашарил по дороге. Свангерда же вовсе не смотрела на него, обшаривая взглядом чужой корабль – от носа до кормы и обратно. Она уже все поняла, но еще не хотела верить, обманывала сама себя, в ложной надежде искала снова.

– Ты вернулся один? – негромко спросил отец. Хравн хельд сейчас даже больше, чем в молодости, походил на ворона, давшего ему имя:¹⁴ его волосы поседели, но брови остались угольно-черными и грозным углом сходились над острыми, твердыми глазами. – Значит, это верно... что Халльмунд... больше не вернется?

– Да, – хрипло выдавил Эрнольв. – Мой брат погиб у квиттингского побережья. Квиттингское чудовище разбило все корабли, и «Вислоухого» тоже. Многие люди погибли, и Халльмунд... он не выплыл.

– А мы знаем! – крикнула йомфру Ингирид, пятнадцатилетняя воспитанница Хравна. В быстрых ясных глазах и на румянном свеженьком личике не было и следа скорби. – Тролль из Дымной горы назвал его, и всех других тоже. Еще десять дней назад!

Эрнольв невольно оглянулся на вершину фьорда, где над лесом поднимался к низкому хмурому небу едва заметный серый дымок. В Дымной горе жил бергбур – огромный тролль, одноглазый и уродливый. И уже много веков он оказывал обитателям Аскефьорда услугу, за которую ему никто не был благодарен: когда кто-нибудь из здешних людей погибал на чужбине, ровно в полночь бергбур выходил из горы и громким грубым голосом называл имя покойника. Но сейчас Эрнольв испытывал признательность к мерзкому соседу: если бы не тролль, бросить это горе на головы близких пришлось бы самому. А так они уже знают. Целых десять дней.

– Значит, это правда... – услышал он сдавленный шепот Свангерды.

Обернувшись, Эрнольв увидел, как невестка судорожно прижимает ко рту край головного покрывала, а в больших желтовато-серых глазах вместо слез стоит мучительная тоска. Все десять дней она знала, но надеялась, что бергбур ошибся или зло надсмеялся. Нет – эта порода не умеет смеяться...

Свангерда отвернулась, как-то сдавленно всхлипнула и побрела по тропе к усадьбе, прижимая к лицу край покрывала и спотыкаясь. Невысокая и хрупкая молодая женщина среди

¹⁴ Имя «Хравн» означает «ворон».

старых толстых елей казалась потерянной и беззащитной. Эрнольв шагнул было за ней, но фру Ванбьерг положила ему руку на плечо.

– Подожди, – тихо сказала мать. – Не сейчас.

Чужой корабль вытащили на берег, хирдманы сворачивали парус, убирали весла. Домочадцы погибших осознали наконец свое несчастье, над берегом разнесся плач. Хирдманы, одолженные Эрнольву конунгом – довести «Олень» до Пологого Холма, торопились затащить судно в корабельный сарай, чтобы самим идти назад, к Ясеновому Двору.

– Такое теперь везде! – Эрнольв кивнул на плачущих женщин. Его подавленность сменилась злобой. – Везде! Мы потеряли треть дружины, отец! Шестнадцать кораблей! А конунгу все мало! Вы думаете, он успокоился? Понял, что богам не нравится эта война? Нет, он еще по дороге обещал тут же выковать ратную стрелу!* Теперь он собирается ехать созывать войско! Теперь он задумал пойти на квиттов по суше! Как тебе это нравится?

– Ты знаешь твоего родича Торбранда конунга, и я его знаю, – отозвался Хравн хельд. – После смерти кюны* и детей он стал одержимым. Тихий берсерк – я сказал бы про него так. Бессмысленно показывать ему плачущих женщин. Он обещал, что отомстит квиттам, и отговаривать его бесполезно. Мой тебе совет – не пытайся. Мы только поссоримся с конунгом, и больше ничего. Если бы погиб Хродмар сын Кари, Торбранд мог бы одуматься. А раз его любимец жив, то он верит, что удача еще вернется.

При упоминании Хродмара Эрнольв насупился. Они уважали, но не любили друг друга: Эрнольв считал, что горячность порывистого Хродмара, который сначала делает, а потом думает, может принести много бед. Хродмар же в свою очередь не доверял Эрнольву, слишком много думающему, когда нужно действовать не теряя времени! Но любимцем и первым советчиком конунга был именно Хродмар, а он горячее всех настаивал на этом походе. У него имелись для этого свои причины. Эрнольв о них знал, но считал, что племя фьяллей не должно платить тысячами жизней за счастье одного только Хродмара ярла.

– А что... Ты нашел тело? – тихо спросила Ванбьерг, как будто боялась громким голосом что-то разбить.

Эрнольв молча покачал головой. Было нестерпимо стыдно, что даже последний долг перед погибшим братом остался неисполненным, но что он мог поделать? Утонувших утащило в море, разметало по берегу на дни пути во все стороны, а у фьяллей не оставалось времени искать и хоронить. Они находились в самом сердце вражеской земли, измученные и беспомощные, без кораблей, зажатые на узкой полосе берега между Квиттингом и морем. Торбранд конунг приказал уходить, и они ушли.

– Боги ошиблись! – вдруг вырвалось у Эрнольва. – Это меня они хотели взять! Зачем его...

– Нет! – Фру Ванбьерг перебила его. – Не говори так, это неверно.

Она подошла к младшему сыну, который к двадцати шести годам вырос на голову выше ее – а и саму фру Ванбьерг никто не назвал бы низкорослой, – и погладила по щеке, как в детстве.

– Если бы норны* судили тебе раннюю смерть, ты умер бы вместе с кюной и ее детьми, – продолжала хозяйка. – Но тебе оставлена жизнь. Боги берут лучшее. Вот они и взяли Халльмунда. Горько думать, что он попал в сети Ран...

– Но есть занятие получше, чем плакать, – неловко закончил Хравн хельд.

Эрнольв не поднимал глаз. Занятие получше, чем слезы, – месть. Но кому мстить сейчас? Квиттингскому тюленю? Судьбе? Богам? Квиттинской ведьме, вызвавшей своими чарами пожар в усадьбе и разбудившей чудовище? Но ведьма – это как сама земля, как лес и море. С ней можно бороться, можно даже отогнать, но нельзя окончательно победить.

Боги взяли лучшее... Халльмунд, родившийся на два года раньше Эрнольва, был лучшим всегда и во всем. Даже «гнилая смерть», бушевавшая в Аскефьорде месяц назад, унесшая

жизнь кюны Бломменатт, двух ее сыновей и еще десятка человек, и подступиться не посмела к веселому великану из усадьбы Пологий Холм, которому пророчили славу нового Сигурда. Зато она навек обезобразила лицо Эрнольва, покрыв его глубокими красными шрамами, и в придачу сделала полуслепым – левый глаз после болезни совсем перестал видеть. «Ты сам теперь похож на бергбура из Дымной горы, – сказала бессовестная Ингирид, когда он оправился. – Такой же здоровенный, уродливый и одноглазый. Сватайся теперь к троллихам – может, у того уroda есть дочери».

Но что за дело было Эрнольву до собственного безобразия и даже до насмешек Ингирид? С тех пор как три года назад Халльмунд привез из зимнего похода по стране жену Свангерду, младший брат перестал оглядываться на девушек и даже не слушал, если при нем рассуждали, что, мол, у Хугвида Ловкача или у Арнвида Сосновой Иглы подросли хорошие дочери-невесты. Ни одна невеста на свете не могла быть лучше Свангерды, а худшей Эрнольв брать не хотел. Он любил невестку так, как любят солнечный свет и свежий ветер, был счастлив тем, что она живет с ним в одном доме, что можно каждый день ее видеть. Он отдал бы за нее жизнь – но вот, у нее беда, больше которой трудно придумать, и он ничем, совсем ничем не может помочь.

– И вот... – Эрнольв вытащил из-под рубахи рунный полумесяц и показал отцу. – Чего теперь делать? Снять? Наверное, нельзя носить одну половину, когда другая...

Хравн хельд несколько мгновений молча смотрел на амулет, словно впервые увидел. Ему не сразу удалось взять в толк еще одну беду, пришедшую заодно с нелепой и горькой смертью Халльмунда.

– Да-а, жаль, – протянул наконец Хравн хельд. – Рунной луне уже больше двух веков, и всегда в нашем роду были обе половинки. Это плохой знак. Очень плохой.

Хравн хельд повернулся и побрел к усадьбе, по той же тропе меж елями, где давно скрылась Свангерда. Фру Ванбьберг по привычке подтолкнула Эрнольва в плечо и пошла вслед за мужем. А Эрнольв все стоял, держа на ладони золотой полумесяц. Две половинки амулета носили братья в каждом поколении рода. Рунная луна обладала чудесным свойством – помогала им, даже разделенным огромными расстояниями, передавать силы от одного к другому. Золотые полумесяцы направляли тропы братьев друг к другу, помогали разлученным встретиться снова. А если один погибал, то второй снимал с шеи свой амулет, и два полумесяца хранились вместе, пока новым братьям не исполнится двенадцать лет и пока амулету не придет пора опять приносить им здоровье и удачу.

Но никогда еще одна из половинок не терялась. Где она сейчас – лежит вместе с мертвым телом на дне моря в сетях Ран, поблескивает на трупе где-то на прибрежном песке? Всем фьяллям этот поход принес много несчастий, но роду Хравна хельда – больше всех. Очень плохое знамение. По-другому не скажешь.

Глава 3

От усадьбы Оленья Роща до кургана Гаммаль-Хьерта было далеко – выехав из дома на сереньком летнем рассвете, братья Стролинги только за полдень увидели с вершины верескового холма знакомую покатуую макушку. Полдня они двигались по унылым долинам, где редкие серо-зеленые осиновыя рощицы перемежались вересковыми пустошами, россыпями серых гранитных валунов, неизвестно какими великанами тут накиданных. По дороге пришлось миновать несколько хуторов, и хозяева, кто оказался дома, выходили к воротам, чтобы проводить четырех всадников уважительными взглядами. Гейр даже пожалел, что у их подвига так мало свидетелей.

Вот только мать Грима Опушки, чей двор был последним, немного испортила настроение: старая ведьма вышла зачем-то из ворот и долго смотрела вслед. Как будто заранее знала, что ничего хорошего не выйдет.

Выехав на вершину холма, все четверо разом остановились. Теперь курган Старого Оленя лежал прямо напротив. За прошедшие века ветра, дожди, снега, корни вереска и брусники, звериные лапы сгладили его и почти стерли следы человеческих рук. Но все же что-то неуловимое явственно отличало курган от других пологих холмов, так же густо заросших вереском и брусникой. И Гейру стало неудобно: показалось, что и курган смотрит на них, неподвижно застывших прямо напротив.

– Поехали, чего встали! – негромко сказал Скъельд и толкнул коленом конский бок.

Он произнес эти слова небрежно, но Гейр каким-то образом понял, что старшему брату тоже не по себе. Братья спускались по склону холма, позади всех трусил Книв. Он умолял взять его с собой и позволить исправиться, говорил, что на побережье так испугался только от неожиданности нападения, а теперь, когда заранее готов к встрече с мертвецом, сумеет проявить себя как должно и больше не опозорит рода. Отходчивый Гейр скоро простил и даже пожалел дурака, а Скъельд только пожал плечами: чего ждать от сына рабыни? И Книву позволили везти съестные припасы: раскапывать курган предстояло долго.

День выдался пасмурный, солнце не показывалось, ветер шевелил верхушки вереска, как будто кто-то невидимый бродил вокруг и все время норовил оказаться за спиной. В долине, открытой во все стороны, не виднелось ничего живого.

Приблизившись к кургану, братья спешили и первым делом развели костер. Жаркое пляшущее пламя подбодрило, и охотники за древними сокровищами с удовольствием протягивали руки к огню. Скъельд отцепил от пояса коровий рог, плотно обвязанный куском кожи, снял крышку и высыпал в разгоревшееся пламя сушеные травы. Их дала любимцу мать, ничего не объяснив другим детям. Гейр успел заметить и серовато-сизые листья полыни, и сушеные иголки можжевельника, и волчец-чертополох, и еще какие-то мелкие темно-зеленые веточки, которых он не знал. «Рагна-Гейда наверняка узнала бы!» – подумал он и вздохнул. Сестра тоже просилась ехать, но Скъельд сразу отрезал: раскапывание курганов – не женское дело. Он все еще сердился на сестру за тот пир, когда благодаря ей выглядел дураком.

Горящие травы вспыхивали ослепительно золотыми искрами и мгновенно гасли. Скъельд бормотал что-то, прикрывая рот ладонями. Все это было так необычно и тревожно, что даже Ярнир поутих, а на его длинном простоватом лице появилось непривычно серьезное выражение. Поистине могучее заклинание дала Скъельду мать, если оно сумело хоть ненадолго усмирить этого непоседу!

Гейр вглядывался в костер, наблюдал, как огонь ловит на лету легкие листики и веточки, как мгновенно делает их золотыми, съедает и роняет черные хлопья пепла. И вдруг в огне помешалось что-то живое: языки пламени на миг приняли очертания лисицы. Лукавая треугольная мордочка с настороженно поднятыми ушами глянула прямо на человека, в золотых гла-

зах сверкнуло что-то неуловимо знакомое. Гейр вздрогнул, не зная, отшатнуться или податься ближе. А огненный дух уже исчез, и снова он видел неровный трепет огненных языков. Только и всего. Померещилось.

Костер прогорел, и Скъельд велел братьям выгрести золу.

– Теперь нужно с трех сторон осыпать этой золой склоны! – Он показал на курган. – Тогда *он* ничего нам не сделает.

Не стоило произносить имя мертвеца вблизи обиталища. Гейр и Ярнир дружно кивнули. Им тоже как-то не хотелось подавать голос. Даже Гейр, успевший к восемнадцати годам сходить не в один поход и побывать не в одной битве, даже Ярнир, чувствительный, как каменный жернов, ощутили холодное неудобство в душе. И даже самим себе не хотели признаться, что это неудобство зовется постыдным словом «страх».

Набрав по мешочку еще горячей золы, три брата стали с разных сторон подниматься на курган, старательно рассеивая золу вокруг себя. С каждым шагом росла тревога: казалось, они ступают по скорлупе исполинского яйца, которая в любое мгновение может треснуть и выпустить наружу дракона, а то и кого-нибудь похуже. Зола с тихим шорохом падала в вереск и пропадала. А холодная тревога не проходила – серая пыль сгоревших трав казалась не слишком надежной защитой.

Наконец все трое встретились на вершине кургана и вздохнули с облегчением – каждый был рад снова увидеть других. И вот они сошлись, три сына Кольбьерна из рода Стролингов, на том месте, где со времени погребения Старого Оленя многие стояли, но никто не вернулся назад.

– Ну, вот, – сказал Скъельд, и раньше не славившийся красноречием. – Мы на месте. Это будет подвиг не хуже ночной драки с фьяллями. И о нас еще сложат сагу. «Сага о трех братьях из рода Стролингов»! А! – Он хлопнул по плечу сначала Гейра, потом Ярнира. И, как по приказу, оба приободрились, привыкнув верить старшему брату и слушаться его. – Идите за лопатами!

Гейр и Ярнир спустились к подножию кургана, где возле серого пятна кострища сидел Книв с поклажей. Он уже снял с седел три лопаты и положил их рядом на землю. Для него самого лопаты не приготовили: раскапывать курганы – дело не для рабов. Это подвиг, достойный благородных людей.

Сделав несколько шагов вниз, Гейр вдруг вскрикнул: что-то живое коснулось башмака, дернулось, так что он невольно отскочил и едва не сбил с ног шедшего сзади Ярнира. Меж зеленых кустиков брусники шевелилась серая тусклая плеть. Гадюка! Конечно, они любят греться на солнце среди брусники и вереска!

Змея, длинная, с резким черным зигзагом на серой спине, проворно уползала прочь, но Гейр успел заметить ее морду с тяжелой, угловатой, как башмак, нижней челюстью и круглыми точками бессмысленных глаз. Серая шкура слегка отливала голубым, но это не делало гадину менее мерзкой. Лицо Гейра перекошилось от отвращения: он не выносил даже вида змей. И саги о смерти Гуннара*, которого бросили в змеиный ров, терпеть не мог. Он тоже мог бы смеяться, когда у него вырезали бы сердце, как у Хегни*, но лежать связанным в яме, чувствовать, как по тебе ползают эти живые жгуты, и ждать, которая же укусит... Тьфу, от одной мысли тошнит!

– Ха! – воскликнул вдруг Скъельд.

Проводив взглядом гадюку и постаравшись запомнить, в какую сторону она поползла, Гейр обернулся. Скъельд выглядел обрадованным и даже ущипнул свою короткую светлую бородку.

– Чему ты радуешься? Дрянь какая! – невольно морща нос, отозвался Гейр.

– Ты не понял! Слава Тюру! Хорошее заветье дала мне мать! – с торжеством ответил старший брат. – Ведь это и был дух – *его*! – Скъельд выразительно показал пальцем в землю. –

Он не выдержал заклинания и пепла трав, он обернулся змеей и сбежал! Теперь-то нам ничто не помешает!

– Эй, Книв! – радостно крикнул Ярнир младшему. – К тебе там поползла одна серая гадюка...

Книв резво подскочил с земли, поджал одну ногу и стал с ужасом озираясь, явно жалея, что не может поджать обе. Несмотря на напряжение, трое на кургане расхохотались.

– Возьми лопату и отруби ей голову! – со смехом велел Ярнир.

Книв глянул на лопаты, лежащие перед ним на земле, но даже к ним ему нагнуться было страшно. А вдруг она незаметно подползла уже близко?

– Не надо! – крикнул Гейр, чем весьма порадовал Книва. – Не трогай. Раз уж он решил сбежать, пусть бежит. А то мы лишим его обличья змеи, а он превратится в медведя. Возни будет больше!

– Да, не надо, – подтвердил Скъельд. – Мы же не доверим победу над таким врагом сыну рабыни...

Гейр и Ярнир взяли лопаты – особые, целиком состоящие из железа, нарочно выкованные Хальмом ради этого случая и украшенные возле черенков загадочными рунными знаками. Никто из братьев этих знаков не понимал, но это только добавляло благоговения. Хотя руны, начертанные Арнхильд Дочерью Ясеня и Хальмом Длинной Головой, в прибавках не нуждались.

Мозоли, приобретенные сыновьями Кольбьерна в давней дружбе с рукоятью меча и веслом, не подвели и теперь. Железные лопаты, закаленные самим Хальмом, разрезали землю, густо переплетенную корешками вереска, мелкой травы и брусники, как нож режет корку свежего хлеба. По совету отца они рыли от вершины кургана вниз узкий колодец, в котором помещался только один человек, а двое других принимали у него деревянную бадью с землей. Копать было нелегко – на Квиттинге мало найдется мягкой земли, а на кургане она плотно слежалась за века. Но зато стенки колодца не пришлось укреплять срубом, что слишком замедлило бы работу. Воодушевленные жаждой подвига и победой над сбежавшим духом, братья Стролинги дружно копали. Сменяя друг друга, они довольно быстро продвигались вглубь, и скоро уже для того, чтобы выбраться из ямы, требовалась веревка.

Изредка отдыхая, братья трудились почти весь день. Под конец даже Книву позволили принимать бадью, и он нисколечко не боялся. Вокруг отверстия на вершине кургана уже выросли внушительные горы, дно прорытого колодца терялось в темноте. Вынутая земля остро пахла прелью, как иногда пахнет весной, но только аромат этот был стылым и вместо весенней радости вызывал невольный холодок в позвоночнике.

– Подумать только, сколько веков эта земля не видала солнца! – бормотал Книв, волоча бадью подальше, чтобы земля не скатывалась обратно в яму, на спину Ярнира, который сейчас трудился внутри. – Должно быть, сварт-альвы* в ней заводятся сами собой, как червяки.¹⁵

– Давай таскай... червяк! – снисходительно бросил Гейр, и Книв был доволен: Червяк все-таки лучше, чем Книв-Из-Под-Хвороста.

Ярнир тем временем порядком выдохся и уже собирался требовать замены, как вдруг лопата глухо стукнулась о дерево.

– Сруб! – радостно закричал землекоп. Три головы братьев смотрели с краев неровной ямы на фоне сероватых облаков, словно с неба. По сравнению с чревом кургана наверху казалось светло, как на Радужном Мосту. – Я дошел до сруба. Давайте пешню!

¹⁵ По преданиям, карлики завелись в теле великана Имира, из которого была создана земля, и поначалу были червями, но по воле богов обрели человеческий облик.

Братья едва могли разглядеть блестящее от пота лицо. Перемазанный землей, взмокший, с прилипшими ко лбу и грязными волосами, Ярнир сам походил на могильного жителя. Впрочем, трое остальных выглядели примерно так же.

– Нет, вылезай, – велел Скъельд. – Я сам.

Ярнир подавил вздох разочарования и взялся за веревку. Близость цели разом прибавила сил, и он готов был так же доблестно завершить начатое, но со старшим братом не поспоришь. Тем более что Ярнир, родившийся не от фру Арнхильд, а от дочери хирдмана, с детства привык уступать дорогу законным сыновьям.

– И лопату прихвати, – распорядился сверху Скъельд. – Она больше не нужна.

– А золото чем грести? – весело спросил Гейр, размазывая по лбу землю, смешанную с потом. Увидела бы его сейчас Рагна-Гейда!

Как в детстве, Гейр весело ужаснулся этой мысли и тут же с удовольствием представил сестру с огромным золотым ожерельем на груди, еще лучше того, что отец дает ей для больших пиров. Говорят, на свете есть еще зеленые самоцветные камни – вот бы найти такие! Чтобы горели, как глаза Рагны-Гейды под солнечным лучом! И пусть она носит новое украшение каждый день – чтобы все знали, как велики богатства и удача рода Стролингов!

Пыхтя, грязный Ярнир выполз из ямы и присел на кучу земли.

– Только там не видно ничего, – сообщил он. – Надо бы факел.

– Не висите над ямой и не загораживайте свет! – велел Скъельд, сунув за пояс железную пешню, какой пользуются квинтинские рудокопы, и берясь за веревку. – Факел зажжем потом, когда полезем в сруб. А пока я или сам себя подожгу в этом колодце, или задохнусь от дыма. Вы, главное, держите крепче.

– Иди разводи костер! – Гейр обернулся к Книву. – Скоро понадобятся факелы.

Но Книв сделал умоляющее лицо, всем видом изображая, что ему страсть как не хочется уходить сейчас с кургана.

– Ну, может, сейчас чего здесь понадобится... – забормотал он, и Гейр сжалился, не стал настаивать. Дураку ведь тоже любопытно, пусть уж смотрит.

Спустившись, Скъельд сразу ощутил под ногами бревно. Когда-то это были толстые сосновые стволы, шагов в пять-шесть длиной, положенные поперек всего сруба, как крыша. Но за века они порядком прогнили, хотя еще не обрушились. Неловко, но усердно осваивая приемы рудокопов, жмурясь, чтобы уберечься от летящих комочков земли, Скъельд принялся рубить пешней крайнее у земляной стены бревно. Воздух подземелья жег глаза, дышалось с трудом, но разве это остановит героя на пути к грудам золота!

Трухлятина поддавалась гораздо легче, чем свежее дерево, и вскоре одно из бревен под ногами Скъельда с треском просело. Скъельд перешел на другую сторону и принялся подрубать его с иного бока. Вот обрубок опустился вниз, клонясь под собственной тяжестью. Придерживаясь руками за стенки, Скъельд нажал на деревяшку ногой.

Обрубок не выдержал и рухнул. Было слышно, как он гулко упал на дно подземного сруба. Кажется, при этом что-то звякнуло. Но из щели ударило такое мерзкое зловоние, что Скъельд даже не успел порадоваться близости золота. Там внизу, как видно, немало сокровищ, но уж чего там точно нет, так это свежего воздуха! Взвыв от отвращения, Скъельд задрал голову и изо всех сил дернул за конец веревки. Ему надо было вздохнуть!

Встревоженные братья быстро тянули, и Скъельд изо всех сил помогал им, отталкиваясь ногами от стенок колодца. Выбравшись из ямы, Скъельд торопливо пополз в сторону. Никто даже не спросил, что там внизу: дыхание могилы поднялось и сюда, открывать лишний раз рот и глотать эту вонь не хотелось.

К счастью, подул ветерок. Четыре брата устроились с наветренной стороны от колодца и старались дышать в сторону.

– Видно, мы раскопали отхожее место троллей! – прижав к носу грязный рукав, пробормотал Ярнир.

– Когда это ты стал таким остроумным? – буркнул Гейр.

– Чего? – Ярнир удивленно уставился поверх рукава. – Я правду сказал!

– Теперь ты! – отдышавшись, Скъельд протянул рукоять пещни Гейру. – По очереди.

Сейчас Гейр почти пожалел, что старшим после Скъельда считается он, а не Ярнир. Чтобы спуститься в яму теперь, потребовалось все мужество, которое удалось накопить к восемнадцати годам. Сначала он не дышал и даже сам удивился, как долго, оказывается, может вытерпеть. Но потом махать пещней без воздуха стало невозможно, и пришлось вдохнуть. То, что имелось в этой яме, назвать воздухом можно было с большим трудом. Торопясь скорее покончить со своим бревном, Гейр рубил, как берсерк, задевая рукоятью пещни за стенки колодца и даже не замечая, как твердые глинистые комочки сыплются ему на плечи, за шиворот и на голову.

Узкое дно составляли пять бревен. Когда будут устранены четыре, образуется лаз, вполне достаточный для человека. Последнее снова досталось Скъельду, поскольку доверять такое важное дело Книву не хотелось. Да тот, по правде сказать, даже и не просил. С трудом удерживаясь на пятом, крайнем у стены бревне, оставленном нарочно ради опоры, Скъельд торопливо рубил, отрывисто думая, сколько же вони помещается в этом срубе и не будет ли добытое золото вонять так же.

А еще говорят, что такое обилие вони – не к добру. Известно же, что мертвец, которому не суждено лежать спокойно, смердит сильнее прочих. Вот и здесь...

Четвертое бревно с треском обломилось и упало вниз. Образовавшееся отверстие показалось очень широким – как будто могила распахнула вдруг жадную пасть с обломанными трухлявыми зубами-щепками по краям... А железная пещня на что?

– Готовьте факел! – крикнул Скъельд наверх. Несмотря на вонь, все три головы снова свешивались над ямой. – Сейчас я спущусь, а вы передадите мне огонь.

Голова Книва послушно исчезла. Скъельд еще раз дернул за веревку, проверяя, хорошо ли привязана, потом сбросил ее длинный нижний конец в отверстие могилы. Заткнув за пояс рукоять пещни, чтобы не мешалась, он сел на последнее бревно, спустил ноги, потом взялся за веревку, сполз с бревна и стал спускаться. Сверху Ярнир и Гейр внимательно наблюдали за братом. Темнота поглотила его плечи, потом голову.

«Как в Хель!» – успел подумать Скъельд, тщетно пытаясь разглядеть внизу хоть что-нибудь. Судя по звуку падавших обрубков, спускаться предстояло полтора-два человеческих роста. Дна не было видно, но Скъельд уже представлял, как встанет ногами на золото...

И вдруг чья-то сильная рука вцепилась в щиколотку и стиснула с силой и крепостью камня.

Животный порыв ужаса оказался сильнее воли и выдержки воина. С диким воплем Скъельд рванулся вверх.

К чести обоих братьев, услышав крик, они не разжали руки, а дружно рванули веревку к себе. С размаху Скъельд ударился головой о последнее бревно, бешено задрыгал ногами, стараясь избавиться от цепких пальцев, но они не отпускали и не давали подняться. Братья тащили веревку вверх, рука могильного жителя тянула вниз, Скъельд орал не переставая. Гейр и Ярнир дергали, в ужасе ожидая, что вытащат брата с откушенной головой. Ну, то есть без головы. Откушенной.

Вырвав из-за пояса пещню, Скъельд попытался было отмахнуться вслепую, но попал себе по ноге и выпустил рукоять. Пещня упала в темноту, с гулом ударились обо что-то твердое.

Цепкие пальцы разжались, и Скъельд взвился наверх, как дух павшего воина в объятиях валькирии. Не успев заметить как, он пролетел через колодец и упал на край, между Гейром и Ярниром; бросив веревку, они схватили брата за плечи и потянули прочь от ямы.

Вот поэтому раскапывать курганы ходят с братьями, а не с рабами.

Лежа на земле, Скьельд жадно дышал и подрыгивал ногами – то ли пытался бежать, то ли хотел убедиться, что его больше не держат. Гейр и Ярнир сидя отползали от ямы, словно забыв, как ходят. Бледные, с крепко стиснутыми челюстями, они только таращили глаза, из которых лился ужас. Оба хотели спросить, что там случилось, но не могли открыть рта из опасения выпустить низменный вопль.

Скьельд попытался встать на ноги. И вдруг внизу, в колодце, послышался звук, от которого у братьев заledenели жилы: шорох земли. *Этот*, житель могилы, сам лез вверх!

– А-а-а! – первым заорал Ярнир, взвился, как будто курган его подбросил, и широчеными прыжками кинулся вниз по склону.

Будто разбуженные его криком, Скьельд и Гейр, который от страха вовсе лишился голоса, вскочили и побежали следом. В ногах вдруг вскипели такие силы, что можно было мчаться отсюда и до моря, не останавливаясь. Четыре коня стремительно неслись прочь, и только хвосты вились по ветру.

Когда братья достигли подножия кургана, земля вдруг содрогнулась. Не удержавшись на ногах, все четверо рухнули на вереск. Из всех сил упираясь руками, Гейр пытался встать и не мог: земля не пускала его. Кривясь от отчаяния, он обернулся: над ямой показалось что-то длинное, ветвистое, стоящее торчком... Как олени рога. Так это правда! Все, до последнего слова, что говорили о Старом Олене! Вот только им, сыновьям Кольбьерна, уже не придется об этом рассказывать!

Показалась голова – олений череп с рогами, с пустыми провалами глаз и черным оском зубов. Она дрожала, то скрываясь, то опять показываясь, виднелись обломанные кончики рогов, темные, набитые землей трещины в кости черепа... Мертвец лез вверх, срывался под своей непомерной тяжестью, но снова упрямо карабкался. Зловоние усилилось, а может, у Гейра просто остановилось сердце.

– Огня! – прохрипел где-то рядом искаженный до неузнаваемости голос Скьельда. – Огня!

Гейр, все еще бесполезно силясь встать, обернулся к кострищу. Оно было серым и холодным. Доползти до него, выбить искру, раздуть – тогда, может быть, могильный житель не посмеет...

Отчаянным усилием Гейр передвинул непослушное тело к кострищу.

И вдруг над серым кругом золы мелькнул крошечный язычок пламени. Он словно вырос из-под земли, как травинка, высунувшая головку навстречу весне. Огненная травинка быстро росла, превратилась в листочек, а потом вдруг вспыхнуло ослепительно золотое облако. Гейр зажмурился, но тут же открыл глаза, полный ужаса и восторга перед посланным богами спасением.

Пламенное облако сложилось в силуэт зверя. Лисица с острой треугольной мордочкой и настороженными ушами стояла над серым кругом золы, и мех ее колебался, как под сильным ветром, по нему перебегали искры, и сами очертания тела были неровными, дрожащими и переменчивыми. Сверкнули золотые глаза, над спиной зверя взвился торчком стоящий хвост. Зачарованный, Гейр смотрел на лисицу, а она переступала лапами, колебалась, то припадала к земле, то приподнималась, как будто танцевала таинственный священный танец. И с каждым новым движением она росла, делалась все больше.

Вот сияние стало совсем ярким, так что заболели глаза. Вместо одного хвоста над спиной зверя вдруг заплясали три. Три пламенных, пушистых, пышных хвоста колебались, как языки пламени, Гейр слышал гул и свист сильного огня, по лицу катились волны жара, шевелились волосы. Лисица выбросила еще одну вспышку света, и три хвоста превратились в шесть. Потом их стало еще больше, Гейр уже не мог сосчитать. Целый пучок, целый куст пламенных хвостов

плясал над спиной лисицы, и каждый жил своей жизнью, как стебельки цветов, выросших из одного корня.

Золотые глаза огненного духа были устремлены на вершину кургана. Он просто смотрел, но взгляд этот жег, как молния. Вот лиса вспыхнула в последний раз, припала к земле, подскочила и снова припала. И исчезла, провалилась.

Гейр обернулся. Земля так же громоздилась кучами над ямой на вершине кургана, но рогатая голова мертвого оленя исчезла.

Погода с утра была гадкая, самая троллиная, – дул ветер и моросил мелкий холодный дождь. Выходить из дома не хотелось, женщины устроились с рукодельем, дети и хирдманы грелись возле разведенного огня и развлекались кто как умел. Работники вздыхали: до начала жатвы оставались считанные дни, а гнуться в поле под дождем – совсем мало радости.

Вигмар сидел у очага в большом покое хозяйского дома, когда явилась Эльдис.

– Вигмар! – по-детски, просительно протянула она, дергая брата за рукав.

– Не мешай! – Вигмар не отрывал глаз от тавлейной доски*. – Видишь, сейчас я обыграю Хамалю, и сразу наступит весна!

Девушка фыркнула – обыграть Хамалю Вигмар давно мечтал.

– Но уже скоро стемнеет! – несчастным голосом протянула она.

– Ну и что? – увлеченный игрой, Вигмар даже не обернулся. – Темнеет обычно каждый вечер, ты не замечала?

Люди вокруг стали посмеиваться.

– Но я хотела поехать к Гюде! – не отставала Эльдис.

– А раньше ты о чем думала?

– А раньше Хлода посадила меня шить, и я думала, что дождь пройдет.

– Ты могла бы попросить валькирий, чтобы они разогнали облака! – добродушно пошутил Хамаль, плотный широколицый мужчина лет пятидесяти, с темно-пегой бородой и двумя седыми кисточками в углах рта. Поскольку он и правда был недалеко от проигрыша, остановка игры его не огорчила. – А то рабских вздохов они не слышат!

– Пусть лучше Вигмар сложит стих! – весело подхватила дочь Хамалю, Гуннфрид, и бросила на хозяйского сына игривый взгляд. Но увы: он не заметил.

Эльдис снова затормошила брата:

– Ну, я поеду к Гюде, хорошо?

– Одна ты куда не поедешь! – Вигмар наконец обернулся. – Чего тебе там делать? Съездишь завтра, может, дождь пройдет.

– Нет, мне надо сегодня! – твердила Эльдис, тараща свои и без того большие светлогриезные глаза. – Я должна рассказать ей мой сон. Тот, что я тебе рассказывала утром.

– А что это был за сон? – любопытствовала одна из женщин.

Домочадцы потихоньку подвигались поближе к Эльдис, чьи-то лохматые головы свесились с верхних спальных помостов по обе стороны от очага. Эльдис в усадьбе славилась умением видеть необычные сны.

Вигмар слегка нахмурился, потер щеку. Он не любил разговоров о снах Эльдис, подозревая, что половину она выдумывает от скуки. А боги не любят, когда кто-то пытается быть умнее их.

Но сестра не заметила недовольства.

– Это был очень страшный и значительный сон! – важно начала девушка, усевшись на скамью и разгладив на коленях платье из коричневатой шерсти. Общее внимание всегда воодушевляло ее, и она очень любила пересказывать свои сны. – Мне снилось, как будто по равнине идет огромный черный бык. Он был как гора и едва не доставал рогами до облаков. Сам весь черный, как сажа, а глаза горят багровым огнем, как у Хель. От шагов его дрожала земля, и

каждое копыто оставляло глубокий отпечаток, на целую ладонь! А в каждом следе блестел кусочек золота. Я видела – там были золотые кольца, обломки обручей, куски цепей, иной раз даже целый кубок! Земля дрожала, и дождь шел за быком стеной, и вокруг раздавался волчий вой!

Лица слушателей стали серьезными, маленькие дети жались к взрослым. Сон и в самом деле страшный: как наяву, каждый увидел глубокие черные отпечатки копыт и золотой блеск на дне, зловещее соседство золота и земли, удачи и гибели. Да, это непростой сон!

– Мне было так страшно, что я проснулась, – обыкновенным голосом закончила Эльдис и повернулась к брату: – И я не смогу заснуть снова, если не узнаю, что он означает!

Обычно подвижное лицо девушки стало тревожным и печальным, и Вигмар вздохнул: придется уступить. Бедняжке не приходилось ждать в жизни ничего хорошего, и мечты служили ей единственным утешением. Брат любил Эльдис, хорошо помня, что ему она обязана жизнью, и старался возместить ей невнимание отца. Эльдис понимала эту его слабость: простодушная наивность переплеталась в ней с невинной хитростью, которую юная вещунья ловко направляла на достижение своих маленьких безобидных целей.

– Ты меня отвезешь?

Вигмар в сомнении потер щеку: ехать к Гриму Опушке перед самым вечером – значит неминуемо остаться там на ночь.

– Ты бы съездил, Вигмар! – сказал другой хирдман, Бьярни, видя, что хозяйский сын колеблется. Несколько голосов с готовностью поддержали его.

– Если ты не подумаешь, что я хочу услать тебя подальше, пока не проиграл, я тоже скажу, что тебе стоит поехать! – добавил Хамаль. – Что это за черный бык? Почему в его следах остается золото? Хорошо бы, если бы старая Боргтруд растолковала нам этот сон. Иначе не только Элле будет плохо спать.

Вигмар поднялся, взял со скамьи свой плащ. Несмотря на дождь и ветер, он бы не отказался проехать куда-нибудь. Обещавшие близкую победу над Хамалем тавлеи не могли надолго отвлечь его от мыслей о Рагне-Гейде. После возвращения из поездки его влечение к ней так усилилось, что покой окончательно пропал. Ничто не радовало, постылым казалось всякое место, куда падал взгляд, потому что там не было ее. Никакое занятие не привлекало, любой разговор казался скучным и ненужным, все мысли вились вокруг того, как бы исхитриться поскорее ее повидать. И в прежние годы такое состояние, случалось, накатывало на Вигмара, заставляя выискивать предлоги, чтобы съездить в Оленью Рощу, но теперь оно не отпускало ни днем ни ночью, уже который день.

– Иди одевайся... диса* сновидений! – сказал он Эльдис. – Пойдем поищем твоего черного быка.

До двора Грима Опушки Вигмар и Эльдис добрались уже в темноте. Их приезд никого не удивил: Эльдис часто навещала дочку Грима, Гюду. Хозяин встретил гостей приветливо, провел в дом, посадил к огню, но Вигмар сразу заметил, что он чем-то встревожен.

– Мы всегда рады добрым гостям, но к нам повадились ходить не только добрые! – ответила на незаданный вопрос мать Грима, старая Боргтруд. – Но вы приехали к нам не в лучший день. Ведь вчера сюда приходил Гаммаль-Хьерт!

Вигмар едва не подавился пивом. После всех разговор о кургане, порожденных памятным пиром, это заявление казалось глупой шуткой. Но Боргтруд не имела привычки шутить.

– Как – Гаммаль-Хьерт? – спросил он, опустив чашу на колени.

Грим, его жена, дочь и несколько работников дружно закивали, лица у всех были серьезные.

– Он вышел из могилы! – продолжала Боргтруд. – И вчера ночью приходил к нам.

– Как – вышел? – Вигмар не мог взять в толк, что это говорится всерьез. – И чего он от вас хотел?

Такие речи хороши в долгий зимний вечер, когда людям нечего делать и они рады болтливому старику; так приятно послушать «лживую сагу» о мертвецах или великанах-людоедах и немного побояться, сидя в тесном кружке у огня! Но сейчас они совсем некстати.

– Я не поняла. – Боргтруд покачала головой. – Похоже, он еще не вспомнил человеческую речь – ведь эта тварь просидела в кургане не меньше пяти веков! А выпустили его сына-вья Кольбьерна. Три дня назад они пробовали раскопать курган. Мне сдается, кто-то из моих гостей знает, с чего им стукнула в голову мысль туда полезть?

Старуха улыбнулась, показывая два уцелевших зуба, ее выцветшие голубые глаза насмешливо прищурились. Она прожила уже не меньше семидесяти лет, что само по себе примечательно, кожа на коричневом лице состояла из одних морщин, скулы выпятились, а глаза спрятались в щелочки между веками. Но Боргтруд не жаловалась на здоровье и назло годам оставалась бодрой и подвижной. В ясные дни она неохотно сидела дома, предпочитая бродить по округе: собирала травы, разыскивала какие-то особые камни, наблюдала за птичьим полетом, вынюхивала новости в потоках дальних ветров. Старуха была разговорчива и доброжелательна, но Вигмар почему-то не любил ее. При ней ему труднее дышалось, как будто ведунья своим присутствием уплотняла воздух. Говорят, так бывает у тех, чей дух очень силен. Многие же люди в округе верили матери Грима, как самой вельве*, и Вигмар держал свою неприязнь при себе.

– Да, пожалуй, меня не удивляет, что они взялись за это! – ответил он старухе. – Как говорят, каждый по-своему хочет прославиться! Дракона Фафнира в наших местах не имеется, но Старый Олень ненамного беднее его. Вот только среди сыновей Кольбьерна не нашлось настоящего Сигурда.

– А они живы? – дрожащим голосом спросила Эльдис. Бледная от страха, она нервно прижималась к Гюде, рослой и полной девице лет семнадцати, вцепившись тонкими пальцами в загорбелые руки подруги.

– Все живы! – Боргтруд кивнула, бросила на Эльдис быстрый насмешливый взгляд. Вигмару мельком подумалось, что старухе известно что-то такое, что и ему не помешало бы узнать.

– Они ездили... втроем, вчетвером?

– Их было четверо – четверо юношей, – зачем-то уточнила Боргтруд и подмигнула ему.

«Вот уж это ни к чему!» – мысленно возмутился Вигмар. Он и сам вовсе не думал, что Рагна-Гейда... Правда, она девушка любознательная, но далеко не глупа и в курган к мертвецу не ползет!

– И чем все кончилось? – спросила Эльдис.

В полутьме тесного дома ее бледное личико терялось, и видны были одни глаза, в которых испуганно дрожали отблески очага. «Куда ей видеть вещие сны! – с сожалением подумал Вигмар. – Дух ее слишком слаб, чтобы общаться с миром духов. Для этого нужны такие кремневые старухи, как Боргтруд».

А Эльдис уже явно жалела, что приехала сюда на ночь глядя. Послушать о мертвеце любопытно, но жутко делалось при мысли, что он может явиться опять!

– Они ночевали у нас здесь и все рассказали. Мертвец чуть не утащил с собой в могилу Скъельда. Что ты усмехаешься, Вигмар хельд? – прищурившись, спросила Боргтруд. – Думаешь, туда ему и дорога? Погоди, это не самый страшный твой враг в роду Стролингов. Они переночевали у нас, а утром я дала пепла трав, чтобы они присыпали им свои следы и мертвец их не нашел. Но до нашего двора след остался, и Старый пришел за ними...

– Но он больше не появится? – Эльдис будто умоляла успокоить ее.

– Не знаю, девочка, не знаю.

«Так кто же, хотелось бы знать, мой самый страшный враг в роду Стролингов?» – хотел было спросить Вигмар, но вместо этого почему-то обратился к сестре:

– Так вот к чему тебе снился черный бык и золото! Смотри-ка, а ты и впрямь научилась видеть вещие сны!

– Поедем домой! – взмолилась та, уже не радуясь своему дару.

– Ты с ума сошла! – Вигмар замотал головой. – В полночь мы окажемся посреди долины и как раз повстречаемся с твоим черным быком. Я, конечно, тоже хочу прославиться, но, по моему, срок моей славной гибели еще не настал. А когда настанет, я постараюсь не брать тебя с собой.

– Оставайся у нас, Вигмар хельд, – подал наконец голос Грим Опушка. – Если Старый Олень явится снова, нам будет надежнее иметь в доме такого славного воина.

Вигмар усмехнулся:

– Спасибо, что ты обо мне такого хорошего мнения, но, по правде сказать, я еще не имел дела с мертвецами. Мне сдается, твоя мать сладит с ним лучше меня. Для этого надо иметь какое-нибудь особое оружие, а меня только и есть, что фьялльский меч.

– Ничего! – Старая хозяйка прищурилась и окинула гостя оценивающим взглядом. – Я не так мудра и сведуща, как благородная фру Арнхильд и ее дочь, но я где-то слышала стихи о том, что смелый одержит победу и нена точенным мечом. А ты их не слышал, Вигмар хельд?

Вечер в доме бонда тянулся долго и скучно: редко когда кто-нибудь из домочадцев обменяется словом. Эльдис в дальнем углу шепталась с Гюдой, самой благодарной слушательницей рассказов о чудесных снах. Грим, чинивший возле двери уздечку, вопросительно посматривал на Вигмара, намекая, что совсем не прочь завести разговор. Но Вигмар был слишком погружен в свои мысли и не расположен к беседе, так что умный хозяин помалкивал.

Новости развлекли Лисицу ненадолго, и скоро он вернулся к любимому занятию: глядя в огонь очага, перебирал в памяти подробности пира у Стролингов, вспоминал каждое свое слово и ответы Рагны-Гейды. Как наяву он видел ее глаза совсем близко, слышал взволнованный шепот, ее теплое дыхание снова касалось его подбородка. Изнывая от тоски, Вигмар больше всего на свете желал снова оказаться рядом с девушкой в темных сенях. Наверное, если бы он попытался ее обнять, она не стала бы слишком противиться. «А разве я тебе отказала?» – вспоминалось ему, и дыхание перехватывало от мучительного и горячего чувства влечения.

Его взгляд упал на Гюду, и Вигмар горько усмехнулся. Размечтался, рыжий! При вашей бедности и незнатности тебе стоит свататься только вот к этой дочери бонда, работающей, неизбалованной, широкоплечей, с обветренным красноватым лицом и толстыми руками. Но что ему до голоса здравого рассудка, когда перед глазами стоит образ Рагны-Гейды. Ах, как же она хороша, воспетая еще Златозубым Асом Хеймдаллем*, высокородная дева с белым лицом и тонкими пальцами!¹⁶ Откинувшись к стене и закрыв глаза, Вигмар мысленно говорил ей все, что только думал наяву и видел во сне. Но когда они теперь увидятся? Раньше осенних жертвоприношений у Стролингов пира не будет...

Вигмар в досаде хлопнул себя по колену и тут же наткнулся на взгляд Боргтруд.

– Что ты такой грустный, Вигмар хельд? – спросила старуха. – Печалишься, что братья Стролинги опередили тебя на пути к золоту и славе? Это напрасно – золото все осталось на своем месте. И славы они себе пока не прибавили!

– Зато и я пока еще не схватил руками небеса! – почти искренне ответил Вигмар. – Ведь это я навел их на мысль раскопать курган. Если теперь мертвец начнет пугать округу, найдутся охотники свалить вину на меня!

¹⁶ Соответствующее описание дочери племенного вождя и жены ярла дано в «Песне о Риге». повествующей о том, как один из асов, Хеймдалль, обходил все людские сословия.

– Фу! – Старуха дунула в воздух и замахала ладонями. – Если бы дело сладилось и Стролинги привезли полные седельные сумки золота, уж поверь, они не дали бы тебе ни колечка из добычи и ни капельки славы. Так что пусть и свой позор кушают сами. Им полезно – а то от избытка гордости может приключиться запор...

Женщины засмеялись, Вигмар тоже улыбнулся, представив трех братьев Стролингов (про Книва он все время как-то забывал), рядом сидящих на соседних отверстиях их просторного отхожего места с перекошенными от усердия лицами.

И вдруг Грим, возившийся с уздечкой возле самых дверей, поднял голову. Все мигом уняли смех и насторожились – за любым разговором они все это время *ждали*. И вот, похоже...

Со двора доносился странный стук, как будто что-то тяжелое с неровными перерывами билось о твердую землю. Работник, до того сидевший рядом с хозяином, мигом переменялся в лице, вспорхнул с места и перескочил поближе к очагу. Это так напоминало полубег-полубег всполошенной курицы, что Вигмар улыбнулся уголком рта, но продолжал напряженно слушать. Несколькими неслышными шагами он пересек теплый покой и оказался возле самой двери в сени.

– Открой! – прошипела Боргтруд. – Все равно он знает, что мы все здесь. Он чувствует живое тепло.

Вигмар толкнул дверь сеней, и в тишине ее скрип резанул уши. Работник и хозяйка торопливо накладывали в очаг побольше хвороста. Эльдис и Гюда обнялись и дрожали.

Что-то тяжелое стучало по земле уже возле самых дверей, дикий страх сочился в дверные щели, сгущал воздух, охлаждал кровь, пригибал к земле. Другой мир, холодный и неживой, ходил совсем рядом, жадно втягивал черными ноздрями живое тепло, и каждый из сидящих в доме ощущал себя добычей чудовища.

– У-ум... у-у-ум-м, – протянулся из-за двери низкий, глухой, утробный полурев-полумычание.

Даже у Вигмара похолодело внутри. Эльдис прятала лицо на плече Гюды, вцепившись в подругу обеими руками, Грим встал рядом с Вигмаром, все еще держа в опущенной руке уздечку и явно не зная, что делать.

Старая Боргтруд поднялась со своего места и проворно подсемила к двери. Сделав мужчинам знак молчать, она крикнула в дверную щель:

– Кто ты? Зачем ты покинул свой дом? Иди под землю, где твое место!

– *Стро-о-оль!* – низко провыло за дверью.

– Здесь нет Строля! – резко ответила Боргтруд. – Его дом – не здесь!

– *Стро-о-оль!* – опять загудел голос мертвеца. Раздалось несколько нетерпеливых ударов. Дверь, не предназначенная держать осаду, дрожала по всему косяку.

– Он ищет Строля! – шепнула Боргтруд. – Он-то помнит, от кого пять веков назад спрятался живым в своей могиле! Может, он и не знает, сколько времени прошло! Думает, что его опять потревожил старый враг!

– Ты можешь его прогнать? – шепнул Вигмар.

Он сжимал рукоять меча и готов был принять бой, вот только сомневался, сможет ли фьялльский меч погубить того, кто и так мертв уже много веков. Близкая опасность будоражила, отчаянно хотелось что-то делать, силы искали выхода.

– Я попробую, – пообещала ведунья.

Сгорбленная, толстая, с седыми прядками, свисающими из-под покрывала, с коричневым морщинистым лицом, она сама походила на троллиху. Но это же внушало надежду, что Старый Олень нарвался на достойного противника.

– Чем мне помочь? – быстро шепнул Вигмар.

– Лезь на чердак и смотри, чего он делает!

Из сеней поднималась лесенка на чердак, летом служивший работникам спальным покоем. Вигмар одолел ее в несколько стремительных движений. Снизу донесся деревянный удар, вскрикнули женщины. Что-то твердое с неравными промежутками сильно колотило в дверь. «Бодает он ее, что ли?» – раздраженно подумал Вигмар, на коленях пробираясь через охапки сена, покрытые шкурами и одеялами из колючих шерстяных очесов. Он подполз к узенькому чердачному окошку и выглянул вниз.

Ну, так и есть. Бодает, да возьмут его тролли! Вигмар хорошо видел в темноте, но на дворе совсем не было света, лишь край ущербной луны чуть-чуть выглядывал из облаков, как будто тоже боялся и прятался под одеялом. «Ну и трус же ты, Мани*, брат Суль!* – раздраженно выбранился про себя Вигмар, бросив быстрый взгляд на небо. – Тебя-то он все равно не достанет! Ну, не позорься, выйди, посвети толком!»

Внизу, у самых дверей дома, виднелось что-то большое, очертаниями напоминающее черного быка. Рослое и широкое существо стояло, кажется, на двух ногах, а над головой его поднимались ветвистые олени рога, смутно белевшие в темноте. С тела мертвого оборотня свешивались широкие лохмотья то ли плаща, то ли просто шкуры. Вигмар злился, что не удастся разглядеть ночного гостя как следует: неизвестное всегда кажется страшнее, и, стыдясь перед самим собой, все же не мог прогнать холода из груди и унять мелкую дрожь где-то в животе. Что бы там ни болтали, Лисица еще никогда не встречался с мертвецами и оборотнями!

Но вот жуткая тварь чуть отступила назад, покачнулась, нагнула голову и вдруг со всего маху ударила в дверь рогами. Дом содрогнулся от пола до чердака, раздался деревянный треск, в нижнем покое вскрикнули женщины. Надо что-то делать! Так Олень будет бодать, пока не пробьет дверь, полночь настала только-только. Вигмар в досаде хлопнул себя по бедру: не утопи он свое копье, можно было бы попробовать достать оборотня сверху. Проклятые фьялли! Чтобы этот дохлый гад к ним ходил по ночам под двери!

Быстро преодолев тесное пространство чердака, Вигмар вернулся в сени и потребовал:

– Грим! Дай мне лук!

– Хочешь подстрелить его? – шепнула Боргтруд, пока Грим шарил среди своего оружия, развешанного на задней стене.

– А чего же? – огрызнулся Вигмар. – Было бы глупо выходить драться, не зная, берет ли его оружие. Если берет, тогда...

– Что ты, Вигмар, не ходи! – в ужасе вскрикнула Эльдис. Оторвавшись от Гюды, она кинулась к брату, вцепилась в него и затеребила.

– Пусти! – Вигмар оторвал от себя руки сестры. – Не хнычь, я никуда не иду.

Боргтруд проворно выхватила из рук Грима несколько стрел.

– Его не возьмет это оружие! – бегло осмотрев наконечники, старуха pokrutila головой. – Эти, сынок, я заклала на простого оленя. Не на этого!

– *Стро-о-оль!* – опять завьло на дворе. – *Где он?*

Топот зазвучал вдоль стены, потом угол дома дрогнул, как будто снаружи кто-то пытался его приподнять. С крыши посыпалась труха. Эльдис и Гюда плакали от страха, работники вслух призывали богов: слишком легким и ненадежным укрытием казался дом против ярости мертвого оборотня. Но боги не откликались.

– Лезь наверх и попробуй отвлечь эту скотину! – велела Боргтруд. – Видно, она просто так не уйдет. Я знаю одно подходящее заклятье, но мне нужно собрать талисманы. Не думала я, что опять явится к нам!

Старуха засемила в дальний угол и принялась шарить в сундуке. Вигмар вернулся на чердак. Но через крохотное чердачное окошко видно было немного: даже высунув голову, не удавалось разглядеть оборотня, и он только слышал, как тот грузно топчется на углу и скребет дерево кончиками рогов.

– Эй, кто там ищет Строля? – крикнул Вигмар во весь голос.

Топот утих. Вигмара пробрал холодок: теперь он и не видел своего противника, и не слышал. Острый слух охотника позволял различать даже спокойное человеческое дыхание во тьме, но нынешний его противник не дышал. Совсем.

– *Стро-о-оль!* – взревело вдруг совсем рядом, прямо под ним. Вигмар вздрогнул и невольно подался назад, успев заметить возле окошка белеющие кончики рогов.

«Сеть бы!» – осенило вдруг, но тут же он понял, что выбросить сеть из тесного окошка не сумеет. Да и из чего ее сплести – такую, чтобы выдержала напор мертвого оборотня? Разве что, как цепь Глейпнир, из женских бород, рыбьих голосов и прочего.

– Чего тебе нужно, гнилая шкура? – Вигмар злился, что мертвецу все же удалось напугать его. – Чего тебе не сиделось у себя в норе?

– *Стро-оль!* – Теперь рев звучал угрожающе. Троллячий хвост, да помнит ли он еще хоть одно слово? – *Ты – Стро-оль?*

– Вот еще! – ответил Вигмар, накладывая стрелу и пытаясь прицелиться пониже белеющих рогов. – Твой Строль давно умер, его взяла Хель! Если он тебе нужен, так иди вслед за ним!

Он спустил тетиву, стрела коротко свистнула, тут же раздался звонкий щелчок – железный наконечник ударил в цель. Оборотень взревел, затопал – судя по всему, выстрел не причинил особого вреда. Бревна дома задрожали под напором нечеловеческой мощи. Вигмару было жутко, дом казался не прочнее плетеной корзины, лук – не надежнее детской игрушки. И сам он перед выходцем из мира мертвых казался всего лишь ребенком, беспомощным и напуганным. Чувства бессилия и страха не были привычны Вигмару, он злился на оборотня и на себя самого, лихорадочно искал хоть какое-нибудь средство. «Чего я тут сижу, как чердачный тролль? – возмущенно спрашивал он сам себя. – Надо наружу... Может, есть вторая дверь?»

Прихватив лук и две оставшиеся стрелы, Вигмар поспешно спустился вниз. Боргтруд уже стояла перед дверью, держа в руке связку талисманов. Вигмар разглядел в полутьме кремневый молоточек, вороний череп, медвежий коготь, черный железный наконечник стрелы с процарапанными рунами, какой-то корень, стебель чертополоха, что-то еще, непонятное.

– Подзови его к двери! – велела старуха Вигмару. – Он уже знает твой голос. Я пошлю его в Хель искать Строля. Это ты хорошо придумал.

– Эй, обломанные рога! – непочтительно заорал Вигмар, готовый делать все, что только скажет Боргтруд. – Поди-ка сюда! Мы тебе расскажем, где найти твоего Строля, чтоб вас обоих сожрал Нидхегг!*

Топот оборотня приблизился к двери. Эльдис, Гюда, хозяйка, работники забились в самый дальний от двери угол и сидели там, тесно прижавшись друг к другу и не дыша. Боргтруд со своими амулетами стояла перед самой дверью, в которой уже виднелось несколько пробоин от рогов. При виде них у Вигмара шевельнулись волосы надо лбом, и он вынул меч – блеск острой стали придавал хоть какую-то уверенность. А Боргтруд приблизила лицо к дырам в двери и пронзительно затянула:

Плели заклинанья
могучие боги,
ковали замки!
Девы делили
дороги и тропы
на девять миров!
Черные тропы
протоптаны крепко —
путь в Нифльхель!*

Мертвый, оденься,
тьмою глухою,
света беги!
Дом твой у темной
дочери Лофта* —
к ней ты ступай!
Именем Тора
тебя заклинаю:
в землю иди!

Боргтруд пела то громче, то тише, то быстрее, то медленнее, ее голос опускался до утреннего мычания и взлетал пронзительным криком чайки. У Вигмара от жути заложило уши, он так стиснул рукоять фьяльского меча, что рука онемела. А Боргтруд, сама во власти своего заклинания, приплясывала на месте, вертелась, приседала, била ногами пол и с диким упоением выкрикивала:

Мйольниром сильным
и Гунгниром* быстрым,
и пламенем жарким,
корнем и ветвью,
рукою и рогом,
Слейпнира* зубом,
водою текучей,
и ворона криком,
лапой медвежьей,
щетиной кабаньей,
и камнем закрыта
дорога тебе!

Старуха замолчала, тишина колебалась – это ходили волнами древние силы, вызванные Боргтруд. Люди затихли, не смея шевельнуться или даже вздохнуть. Мгновения повисли.

И вдруг стало легко. Вигмар вздохнул всей грудью, ощутил у себя на лбу холодный пот и вытер его краем ладони.

– Что – все? – робко подала голос Гюда. – Он ушел?

– Ушел! – Боргтруд села на край скамьи и тоже перевела дух. – Ох он и упрям! Сколько живу, а не встречала такого упрямого мертвеца! А все оттого, что набрал слишком много золота! Всю жизнь копил золото, грабил на земле и на море, сталкивался, говорят, с горными троллями и свартальвами, и они отдавали ему золото, добытое в горах. Вы думаете, в Медном Лесу есть только железо? Нет, там есть и золото тоже, только никто из людей не умеет его добывать. Вся сила Старого Оленя – в его золоте. Если он лишится своих сокровищ, то станет беспомощным. Но пока он их не лишился, одолеть его нельзя!

– А почему мы не слышали шагов? – подозрительно спросила Эльдис. Ей все не верилось, что мертвый оборотень действительно ушел.

– Потому, девочка, что он ушел сразу под землю. А уж под землей он поползет назад в свой дом!

– Почему же не к Хель? – с неудовольствием спросил Вигмар. – Уж Хель не отпустила бы такого красавца – как раз ей подходящая пара! А у себя в могиле он отсидится и опять пойдет пугать людей!

– Не пугать, яшень копыя, не пугать! – Старуха затрясла головой, и теперь в ее глазах не было ни капли насмешки. – Теперь он начнет их губить. Те духи, что приходили сейчас, сказали мне: мертвец отсидится в могиле, снова наберется сил от своих сокровищ и уже на другую ночь выйдет снова. Но вы не бойтесь! – Боргтруд посмотрела на домочадцев, все еще жавшихся в углу. – Я повешу мои амулеты на столбе, и к нам Гнилая Шкура больше не придет.

Вигмар тем временем откинул засов, взял факел и вышел. Посветив, он нашел на земле свою стрелу и вернулся в дом, разглядывая наконечник. Твердое железо сплющилось, как сырая глина.

– А, подобрал! – почему-то обрадовалась Боргтруд. – Я не хочу, чтобы ты прославился бессмысленной гибелью! В тебе чуть побольше толку, чем в остальных молодых. Среди вас уже не родится Сигурда, ну так пусть же не родятся и Хегни с Гуннаром. Умирать со славой стоит только тогда, когда жить со славой уже не можешь. Или нет? – Боргтруд испытывающе глянула на Вигмара, даже склонила голову набок, чтобы снизу вверх заглянуть в глаза.

А тот молчал, ошарашенный и этой мыслью, и тем, что о славе взялась рассуждать старуха только что не из свинарника.

– Ах, да! – Боргтруд как будто спохватилась, корявой ладонью хлопнула себя по лбу. – Я ведь глупая старая троллиха, только что не нищая и не с хвостом под подолом – что я могу понимать в чести и славе высокородных людей? Я только хотела тебе сказать – славно жить труднее, чем славно умирать. Ты можешь плюнуть и забыть, а можешь и подумать. Но запомни – другому я и говорить не стала бы.

Вигмар не ответил – слова старухи взбаламутили душу, и он никак не мог разглядеть сквозь эту муть, есть ли хоть крупинка золота на дне. Сигурд, сказала она, с одной стороны, а Гуннар и Хегни, сыновья Гьюки*, с другой...

Перед взором Вигмара встал Фридмунд Сказитель, с мечтательно закрытыми глазами и увлекательной песней на устах, каждое слово пленяет, как будто от речей Фридмунда воздух полнится медом... «Утро не кончилось – умерли славные, как должно героям...» Странно, в такие мгновения даже брат Кольбьерна казался добрым и приветливым, как будто и не Стролинг вовсе... Сигурд, Атли, Гуннар, Хегни – все они славятся как великие герои древности, от рассказов о них захватывает дух у молодых и старых, но почему-то Боргтруд рассадил их по разным скамьям... Сигурд победил дракона Фафнира, отнял у него золото, священный дар, способный приносить силу и удачу даже мерзкому чудовищу, пробудил от волшебного сна валькирию, прорвавшись к ней сквозь огонь... Деяния Сигурда – вот как об этом говорят. Деяния. То, что человек сделал в жизни.

Вигмар злобно дернул уголком рта. Какой тут Сигурд, на Квиттингском Севере, в восьмом веке после Ухода Асов! В двадцать пять лет Сигурд уже много чем мог похвалиться. «А я? – сурово, почти злобно спросил он сам себя. – А я-то чем отличился? Утопил копьё в битве с фьяллями и осмеял на пиру достойных людей. Скажут, что я только стихи складывать умею! Тоже дело, конечно, но для мужчины этого маловато!»

Впрочем, братья Сигурдовой жены, Гуннар и Хегни, ничем особенным, помнится, не прославились, только поехали к Атли, отлично зная, что зять задумал их убить, и держались без нытья, когда он свое гнусное намерение исполнял. А если бы передумал – ну, съездили бы в гости к сестре и мирно вернулись. Да они благодарить должны были Атли! А он ведь тоже считается героем, между прочим, потому, что сумел совершить подлое дело торжественно и с размахом. Может быть, Гуннар и Хегни нарочно выбрали себе славную смерть, поняв, что славная жизнь не удалась?

Так что же, заказать Хасселю Камнерезу поминальный камень по себе и придумать надпись попышнее? «Доблестно бился с мертвецом и был им со славою сожран». С чьей славою? Мертвеца? А вот троллячий хвост ему, а не слава! Иные думают, что удивить и напугать людей уже значит прославиться. Да, если бы оборотень ворвался в дом и сожрал тут всех, удивления

и ужаса хватило бы на весь Квиттингский Север. Но при мысли об этом Вигмар почувствовал не гордость, а стыд.

Он был полон какой-то злой растерянности: возмущали прогулки мертвого оборотня, неуязвимо и опасного, но он решительно не знал, что делать. Во всех этих размышлениях о славе и путях к ней дыр зияло не меньше, чем в рыбачьей сети. О великий Отец Колдовства, мудрый Один!

«Наверняка ведь знает», – вдруг подумал Вигмар об Одине и яснее ясного представил единственный глаз Повелителя, хитро прищуренный в насмешке. Знает, но не скажет! Он ловко умел выпытывать тайны у великанов и вельв, но сам хранит их крепко.

Вдруг Боргтруд подняла свою связку амулетов и потрясла ею в воздухе. Амулеты звенели и постукивали друг об друга, болталось воронье перо, как очень маленький стяг самой младшей из валькирий. Вигмар обернулся к ней, как ребенок на звук гороховой погремушки.

– Я знаю, что ты удачлив, – сказала Боргтруд и почему-то показала пальцем в земляной пол. – Ты горд, упрям и не любишь смиряться с тем, что тебе не по вкусу. Ты можешь быть доблестен, как Сигурд, а не как Гуннар и Хегни. Подумай, где взять оружие. Ведь где-то же оно должно быть?

Вигмар ждал продолжения, но Боргтруд замолчала. Что-то легонько пощекотало ему шею. Вигмар поднял руку и наткнулся на одну из своих косичек. Если есть сила, способная одолеть мертвого оборотня, то это она – огненная лисица-великан. Говорят, что она приберегает для Вигмара несколько запасных жизней. Может быть, пришла пора проверить, не правда ли это?

Глава 4

Утром Эрнольв вышел из спального покоя хмурый и озабоченный.

– Ой, какой ты страшный! Как будто спал в обнимку с трупом! – в притворном ужасе завопила Ингирид и бросилась бежать.

Казалось, она нарочно вставала раньше всех в усадьбе, чтобы встретить пробуждение каждого какой-нибудь гадостью. Девчонка просто забавлялась, ей и в голову не приходило задуматься, так ли смешно другим от ее шуток.

– Сильно похоже на то, – пробормотал Эрнольв. Его лицо, покрытое густой сетью мелких красных шрамов, и впрямь выглядело не лучшим образом.

– Иди за стол, еда уже готова, – позвала мать. – Я приготовила тебе новую рубаху. Наверняка сегодня вам придется плыть через фьорд.

«Плыть через фьорд» означало навестить Торбранда конунга. Эрнольву не слишком туда хотелось, но если они с отцом и сегодня не приедут, все точно решат, что они поссорились с Торбрандом. Или даже замышляют измену. Мало для кого было тайной то, что Хравн хельд и его родичи решительно против продолжения злосчастной квиттингской войны.

– Ты умывался? Хочешь, я тебе полью? – предложила Свангерда, встретившая Эрнольва в сенях.

– Да, я... Там... – не слишком внятно ответил тот, мельком глянув на невестку.

Свангерда смотрела мимо, в стену сеней и, кажется, даже не слышала ответа на собственный вопрос. За прошедшие дни вдова свыклась со своим горем: и перестала плакать, держалась почти спокойно, но Эрнольву до сих пор было неловко смотреть на нее, как будто взгляд мог ненароком задеть открытую рану. Теперь Свангерда носила серое вдовье покрывало с короткими концами, и белое лицо с правильными некрупными чертами казалось из-за этого каким-то погасшим, затененным. Она была приветлива, как и прежде, но все чаще о чем-то задумывалась, и это тревожило родичей. Посреди разговора женщина вдруг замолкала, невидящими глазами глядя мимо людей, и Ванбьерг по привычке толкала локтем мужа, сына, любого, кто сидел рядом, и кивала на невестку, тревожно двигая бровями. «Она видит дух Халльмунда!» – шептала хозяйка. Сама Свангерда о том, куда смотрит и что видит, не говорила ни слова.

– Что вы стали тут, как бродяги, которых не пускают в дом? – преувеличенно громко и бодро сказала фру Ванбьерг, входя вслед за Эрнольвом в сени. – Идемте, похлебка остынет.

Свангерда вздрогнула, виновато улыбнулась, словно просила прощения, и первой вошла в кухню.

– Я тебе говорила! – шипела фру Ванбьерг на ухо Эрнольву, на ходу подталкивая его в бок, словно желая взбодрить. – Нечего тянуть! Нужно справлять свадьбу! Тогда она опомнится и заживет по-новому! А так вы дождетесь того, что она сойдет с ума и уйдет жить в лес к Тордис!

– Не надо, мать, не сейчас. Еще не пора, – хмурясь, отговаривался Эрнольв.

Чуть ли не в первый день после возвращения сына фру Ванбьерг завела разговор о том, что ему нужно жениться на Свангерде. Младший брат берет в жены вдову погибшего старшего брата – все по древним обычаям, достойно, благородно! Все скажут об этой свадьбе одно только хорошее! Да и богатое приданое возвращать обратно не хочется, хотя это уже не так важно. И как удачно сложилось, что сам Эрнольв ни о какой другой жене и не мечтал! Они заживут на славу, родят много детей, и для рода Хравна из Пологого Холма все обернется не так плохо, как казалось поначалу. Фру Ванбьерг искренне не понимала, почему Эрнольв все оттягивает и свадьбу, и даже разговор со Свангердой. Ждет, что ли, пока та совсем сойдет с ума? Или пока северная родня приедет за ней и потребует назад со всем приданным?

– Мне сегодня снился не самый лучший сон, – тихо, чтобы не услышала Свангерда, сказал Эрнольв матери. – Мне снился какой-то мертвец.

– Какой такой мертвец? – Фру Ванбьерг остановилась посреди кухни, прямо в облаке дымящего очага, и уставилась на сына снизу вверх, уперев руки в бока.

– Не знаю. Огромный жуткий мертвец. С оленьими рогами на голове. Как будто он ходил всю ночь вокруг нашего дома, колотил в дверь, даже пытался приподнять дом за углы. И гнусно ревел. Я не думаю, что это к добру. Может, не ездить сегодня в Ясеновый Двор?

Фру Ванбьерг задумалась, покусала сустав согнутого пальца.

– К конунгу тебе ехать надо, а иначе Хродмар и Кольбейн назовут вас изменниками и трусами, – решила она. – Но сон и впрямь не из лучших. Вот что. Поешь и сходи-ка к Тордис. Она разъяснит тебе, к чему все это. Может, даже скажет, что теперь делать. Только вот сама, бедняжка, не поймет.

Фру Ванбьерг покачала головой и отошла от очага. Эрнольв направился к столу. Свангерда протянула кусок вчерашней рыбы на краюхе хлеба, и он взял, благодарно кивнув.

...мне довелось
желанную видеть;
от рук ее свет
исходил, озаряя
свод неба и воды,¹⁷ —

вспомнилось некстати. Впрочем, почему некстати? Скорбь по брату, любовь к Свангерде так глубоко вошли в его жизнь, так переплелись с воздухом, которым он дышал, что Эрнольв сжился с этими чувствами и без них его душа опустела бы.

Вскоре после часа утренней еды Эрнольв Одноглазый бодро шагал по лесистым склонам, поросшим редким, чахлым, прозрачным ельником. Он глубоко дышал, и свежий воздух прохладного дня приносил бодрость, прогонял уныние последних дней. *«Мне довелось желанную видеть...»* – снова и снова повторял он про себя древний стих, когда-то произнесенный самим Фрейром, и теперь вместо тоски в глубине души рождалась робкая радость. *«От рук ее свет исходил...»* Нет, мать зря торопит со свадьбой – спешить пока некуда, северная родня Свангерды еще не скоро узнает, что женщина овдовела. А невестке нужно привыкнуть к потере, позабыть Халльмунда... Нет, такого, как он, забыть невозможно, и они всегда будут помнить его. Но пусть она хотя бы перестанет ждать, пусть исчезнет это ощущение, что муж просто вышел куда-то, просто не успел вернуться к ужину и потому его место пусто. Пусть привыкнет к мысли, что Халльмунда нет нигде, пусть откроет глаза для будущего... И тогда она полюбит его! Пускай не так, как любила первого мужа – Эрнольв знал, что никогда не сравнится со старшим братом и недостоин такой же любви. Но все же – Свангерда всегда была приветлива с ним, они хорошо ладили как родичи, поладят и как муж и жена. Но должно пройти время...

Домик Тордис появился внезапно. Эрнольва всегда это настораживало: несколько елей стояли вплотную друг к другу и загораживали низкую избушку из толстых бревен от идущего по тропе; обогнув ели, тот неожиданно видел ее прямо перед собой, как выскочившую из-под земли.

Тордис стояла на пороге, так же как и обычно. Старшей дочери Хравна и Ванбьерг перевалило уже за тридцать лет, но она так и не вышла замуж. Да и кто бы ее взял? С самой юности девушка считалась безумной и сама отказалась жить с семьей. *«Вы слишком шумные! – заявила она родичам. – Вы мешаете мне слушать землю и богов!»* Никто с ней не спорил: если

¹⁷ «Старшая Элда», перевод А. Корсуна.

духи выбрали человека, чтобы через него общаться с миром людей, то противиться их воле опасно и бесполезно. От этой болезни нет лечения – нужно лишь постараться извлечь из нее пользу.

Как и все в роду Хравна, Тордис была высокой, но не в пример другим выглядела слишком худощавой и бледной. Длинные светло-русые волосы, густые и плохо чесанные, спускались ниже колен и окутывали всю фигуру, скрывая толстое серое платье с большими серебряными застежками тонкой работы. Отказываясь от самых простых удобств, укрываясь потертыми шкурами и питаясь одним хлебом, Тордис обожала серебро и охотно принимала в подарок все, что ей приносили. Между наплечными застежками у нее висело пять или шесть серебряных цепей разной длины и толщины, на худых и бледных руках звенело множество браслетов. Пальцы руки, лежащей на дверном косяке, походили на птичьи когти. Как всегда, Эрнольву стало неуютно от взгляда больших, темных с расширенным зрачком блестящих глаз сестры. Но он смирал страх и неприязнь. Даже безумная, эта женщина оставалась его сестрой.

– Приветствую тебя, брат! – протяжно проговорила Тордис, как пропела, и даже сделала шаг навстречу. У Эрнольва полегчало на душе. Сегодня ее голос звучал бодро, ясно, и в голове, как видно, было посветлее обычного. – Заходи. Я давно тебя не видела.

Она подошла к брату вплотную, подняла свою птичью лапку и ласково царапнула его по щеке.

– Красавчик ты мой, – невнятно мяукнула она, будто кошка, и в глазах ведуньи мерцала отстраненная ласковость.

Эрнольву и раньше казалось в такие мгновения, что безумная сестра обращается не к нему, а к кому-то другому, кого видела в нем. Она и раньше, до «гнилой смерти», называла Эрнольва красавчиком, хотя он был вовсе не красивее Халльмунда. Колдунье даже не требовалось привыкать к новому лицу брата – она видела в человеке не внешнее и потому никакой перемены не заметила. Именно Эрнольву Тордис неизменно радовалась больше, чем всем прочим родичам.

Хозяйка отошла с порога, гость шагнул в дом, оставив дверь открытой, и сел на свое обычное место, на край скамьи возле самой двери, где посветлее. Тордис, напротив, забилась в самый темный угол, но не велела закрыть дверь. Она знала, что люди предпочитают разговаривать при свете, и уважала странности своей родни.

– Я сегодня видел сон, – без предисловий начал Эрнольв, Тордис не любила, когда у нее засиживались подолгу. – Мне снился отвратительный мертвец с рогами, бродящий вокруг дома. Я подумал по дороге: наверное, это Халльмунд хочет подать мне какую-то весть из Хель. Наверное, эта весть не из самых добрых?

– А ты носишь рунный полумесяц? – спросила Тордис из своего угла.

Эрнольв кивнул:

– Ношу. Я хотел снять, но... он как-то не снялся.

Вытащив из-под рубахи амулет, Эрнольв покачал его на ладони, не снимая ремешка с шеи. Это было не самое внятное объяснение, но до помраченного рассудка Тордис невнятные доходили гораздо лучше. А эти слова оказались и самыми верными: Эрнольв не раз думал, что полумесяц пора снять, не раз брался за него и пробовал стянуть ремешок, но какая-то неясная сила удерживала его руки, какое-то темное внутреннее чувство мешало. Рассудку не удавалось убедить душу, что брат мертв и связь с ним больше не нужна, невозможна. Он все не верил. И вот – дождался.

– Дай его мне! – Тордис протянула худую длинную руку.

Эрнольв стащил ремешок с шеи и бросил сестре. Золотая звездочка тускло сверкнула в полутьме дома, Тордис ловко поймала ее и сжала в ладони.

– Теперь молчи и не мешай, – сказала она. – Я попытаюсь добраться до Халльмунда.

Добраться до человека, который давно уже во владениях Хель! Такое могла сказать только Тордис. Но только она одна могла и сделать это. Недаром сестра славилась особым умением ворожить о людях, находящихся очень далеко, и разговаривать с предметами, как с людьми.

Сжимая в ладони рунный полумесяц Эрнольва, Тордис уселась на полу поудобнее и закрыла глаза. Некоторое время она сидела молча и не шевелясь, и Эрнольв пристально наблюдал, боясь даже своим дыханием помешать ворожке. Постепенно лицо Тордис задвигалось, как будто каждый мускул зажил своей особой жизнью и собирался отправиться по какой-то своей, ему одному известной дороге. Губы Тордис зашевелились, она тихо запела. Эрнольв различал лишь непонятные обрывки слов. «Ветер вздымает... Мужики эти – жертва великим богам... По влажным дорогам... Бесятся вихри... В темных пещерах у каменных врат...» От заунывного обрывочного пения волосы шевелились на голове, и Эрнольв, как ни старался, не мог унять внутренней дрожи.

А лицо Тордис все так же жило своей особой жизнью; Эрнольв зачарованно вглядывался и видел, как на миг его черты делаются подобны чертам Халльмунда, потом сходство распадается, будто разбитое камнем отражение в воде, и Тордис хмурится, снова поет, снова подбирает по одной черты ушедшего брата, как рассыпанные на дороге прутья. Так она ворожила всегда: ее дух шел по воздушным тропам вслед за ушедшим, проникал в него, и лицо ее становилось лицом ушедшего. Но сейчас Эрнольв видел, как тяжело ей последовать за Халльмундом – ворожки не получалось. Да и как тут получить? Легко ли – в Хель?

И вдруг пение оборвалось. Что-то случилось. Сестра кого-то поймала, сообразил Эрнольв и похолодел от неожиданности и тревоги. Черты Тордис сложились в лицо не Халльмунда, а какого-то совсем другого человека... другого существа. Резкие, острые, немного искаженные судорогой ведуньи, но ясные черты: широкий рот, немного хищная улыбка... Светлые боги, да не тролль ли это? Эрнольв по привычке схватился за то место, где много лет висел амулет, но нашел пустоту, и внутри что-то оборвалось. Он понял главное: Тордис нашла второй полумесяц, но не нашла Халльмунда.

– Росую покрыты влажные тропы... – снова забормотала Тордис.

Черты лица опять ожили, задрожали, и вскоре Эрнольв узнал сестру. Через несколько мгновений она открыла глаза и устремила на брата удивленный, отсутствующий взор.

– Ты нашла... его? – воскликнул Эрнольв, не в силах сдерживать нетерпение.

– Да, я нашла... – пробормотала Тордис. – Нашла.

Она разжала ладонь, как будто лишь сейчас вспомнила об амулете, наклонила голову и стала рассматривать, будто впервые увидела.

– Что там? – расспрашивал Эрнольв. – Где Халльмунд?

– Я не знаю, где Халльмунд, – удивленно ответила Тордис и посмотрела на брата так, как будто до этого они говорили совсем о другом. – Я хотела искать мертвого, но Хель не отдает своих. Я ждала, что рунный полумесяц поможет мне, но он не помог. Я ждала, что амулет остался с мертвым, а он...

– Что – он? – Эрнольв вскочил с места, но опомнился и снова сел. – Что?

– А он ушел к живому, – устало отозвалась Тордис. – Живой снял его с мертвого. И Халльмунда мы не найдем никогда, никогда...

Она сжала голову руками и стала горестно раскачиваться, спрятав лицо под спутанными волосами. Эрнольв сидел на своей скамье, не зная, как отнестись к этому открытию. Кто-то снял амулет с тела Халльмунда? И... и носит? Вот почему сам он не мог набраться решимости снять свою половинку – не пускало слабое притяжение чужого, но живого человека!

– Что же мне теперь делать? – недоуменно воскликнул Эрнольв и умоляюще взглянул на Тордис. Ах, будь в ней хоть чуть-чуть побольше здравого рассудка! – Снять свою половинку? Кто бы там ни подобрал полумесяц – он мне не брат, он мне не нужен!

– Можешь снять, – равнодушно и устало бросила Тордис. Теперь она сидела, вяло уронив руки на колени, и смотрела мимо Эрнольва в лес через раскрытую дверь избушки. – Зачем тебе чужой брат? А он пусть носит. Ведь рунный полумесяц и один принесет здоровье и удачу. В нем руны силы. Пусть он владеет. А тебе не надо...

– Да как так – не надо? – возмутился Эрнольв и вскочил, в последний миг сообразив пригнуться, чтобы не удариться головой о низкую кровлю. – Это наше! Это наш родовой амулет, никакие квитты не имеют на него права! Или кто он там, чтобы его тролли взяли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.